

Александр Стрешнев
СТРЕШНЕВ А. Н.



ПОСЛЕ ВСЕГО

— АЛЪЯНС —

После всего : альянс

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Стрешнев
После всего : альянс

«Автор»

2026

Стрешнев А. Н.

После всего : альянс / А. Н. Стрешнев — «Автор», 2026

Девять лет назад привычный мир закончился. Города опустели, дороги стали территорией банд и караванов, а среди руин бродят Пустые — то, что осталось от миллионов людей. Но человечество не исчезло. За укреплёнными стенами ТИТАНА существует Альянс — место, где люди пытаются не просто выживать, а снова строить жизнь. Его лидер Леся, которую знают как Ведьму, давно привыкла принимать тяжёлые решения. У каждого здесь своё прошлое, свои потери и причины продолжать путь. А тем временем Пустые начинают вести себя иначе. Огромные стаи движутся словно по чужой воле, на дорогах появляются новые силы, а загадочный МагВиви оставляет после себя пугающие следы. Мир уже однажды пережил конец. Теперь людям предстоит узнать, что пришло после него. «ПОСЛЕ ВСЕГО: АЛЬЯНС» — постапокалиптическая история о выживании, дружбе, потерях и попытке остаться человеком там, где человечность давно стала роскошью.

© Стрешнев А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Стрешнев

После всего : альянс

Глава

Пролог — неделя хаоса

Кричащие тюльпаны

Саня не заметил, как начался конец света. Не потому что отвлекся, а потому что в его мире каждое событие должно было иметь четкую причинно-следственную связь, а не происходить спонтанно, как это делали люди. В подземной лаборатории «Альтегро» система безопасности была настроена на множество сценариев, но ни один из них не предусматривал полного отключения энергопитания без предварительного предупреждения.

Когда погас свет, он действовал по протоколу: сначала выругался, потом проверил основную линию питания, затем переключился на резервный генератор, активировал аварийную газовую горелку с системой подачи кислорода. Только когда индикаторы на приборной панели показали полный отказ всех систем — хотя время, казалось, остановилось — он продолжил работу. Прерывать химический процесс было недопустимо, ведь реакция уже достигла критической точки.

Под землёй время текло иначе. Воздух был насыщен парами реагентов, металл стен хранил тепло от работающих систем охлаждения, а монотонный гул оборудования создавал иллюзию нормальности. Здесь не существовало новостей, паники или человеческих эмоций — только формулы на бумаге, стерильное стекло колб, резкий запах ацетона и тихое шипение реакций, которые, по крайней мере, подчинялись законам физики.

На третий день он поднялся наверх не из-за предчувствия, а из-за объективного факта: запас дистиллированной воды подошёл к концу. Этот параметр был критически важен и не подлежал игнорированию.

— Приоритеты... — пробормотал он, поднимаясь по лестнице, проводя пальцами по холодному металлу поручня. — Сначала приоритеты, потом всё остальное.

На поверхности всё было иначе. Не громким взрывом, не внезапным катаклизмом, а какой-то фундаментальной неправильностью мироустройства. Запах ударил в ноздри сразу — не просто гарь, а тошнотворная смесь жира, крови и чего-то сладковатого, от чего язык прилипал к нёбу. Саня замер, глубоко вдохнул, закрыл глаза, словно пытаясь проанализировать химический состав воздуха.

— Интересно...

Открыв глаза, он осмотрел улицу через призму научного наблюдения. Машины стояли брошенными: двери распахнуты, стёкла в трещинах, на асфальте темнели пятна, происхождение которых не требовало объяснений. В окнах домов царил особая пустота — не отсутствие людей, а отсутствие намерения, желания, цели.

— Ну наконец-то... — прошептал он с удовлетворением в голосе. — Мир стал честным.

Шагнув вперёд, он наступил на что-то мягкое, но не обратил внимания. Его сознание фиксировало только важные данные:

— Без декораций, без ваших... оговорок.

Его усмешка была почти механической.

— «Это нормально?» — повторил он чужим голосом, карикатурно передразнивая. — Нет, теперь не нормально. Теперь правильно.

Поиск Оксаны не пришёл ему в голову сразу. Сначала требовалось понять, проверить, увидеть. Эмоции были роскошью, которую он не мог себе позволить.

Первый Пустой появился из-за угла настолько медленно, что его можно было не заметить, если бы не механическое движение. В этом было что-то раздражающе неправильное, как ошибка в расчёте, которую не учли в уравнениях.

Саня остановился, не доставая оружие, не делая резких движений. Просто наблюдал за белесыми глазами без фокуса и глубины.

— Пусто... — прошептал он, приближаясь. — Совсем?..

Пауза.

— Даже наблюдателя нет?..

Когда Пустой дернулся, пытаясь схватить его, движения были неестественными, как у механизма без смазки. Саня наклонил голову:

— Значит, форма осталась, а содержание...

Не закончив фразу, он позволил капле упасть на кожу существа. Мир отреагировал мгновенно: ткань напряглась, затвердела, начала вытягиваться, словно её тянули изнутри. Кости смещались с хрустом, мышцы застывали в неестественных положениях, но процесс был направлен, подчинялся какой-то внутренней логике.

Через несколько секунд перед ним стояла не просто фигура — произведение искусства, застывший крик в моменте, когда звук ещё не родился полностью.

— О... — выдохнул он с узнаванием.

Обошёл фигуру, провёл пальцами по поверхности — тёплой, плотной, словно живой и мертвой одновременно.

— Ты даже не понимаешь... А я понимаю.

Он отступил:

— Значит, это и есть работа.

Второй раз он уже не сомневался. Движения стали отточенными, почти механическими. Потом третий. Каждый раз процедура повторялась с пугающей точностью. Потом ещё. Его руки двигались уверенно, словно он выполнял давно знакомый ритуал.

Очень быстро пространство вокруг лаборатории перестало быть улицей и превратилось в нечто иное — в галерею застывших фигур, в музей конца времён. Фигуры стояли не случайно — они выстраивались в определенном порядке: в линию, в ритм, в композицию, словно подчиняясь невидимому дирижеру. Кто-то тянулся к небу, будто пытаясь ухватить ускользающий воздух. Кто-то падал, застыв в вечном падении. Кто-то будто пытался сказать что-то — теперь это не имело значения, слова замерли навсегда.

Саня ходил между ними медленно, не торопясь, иногда останавливаясь, наклоняя голову, словно прислушиваясь к безмолвным крикам застывших фигур. Его движения были почти танцевальными, он перемещался между созданиями как скульптор между своими работами. И если что-то не устраивало — исправлял, корректировал, доводил до совершенства.

— Здесь слабое напряжение... — касание холодных пальцев к застывшей фигуре. — Здесь, наоборот, перебор...

Пауза. Его голос звучал почти благоговейно, словно он разговаривал с произведениями искусства.

— Не дожали момент.

Он отступил на несколько шагов, посмотрел на созданную им композицию целиком.

— Композиция растёт, — прошептал он тихо, почти уважительно. — Это хорошо. Каждая фигура на своём месте, каждый крик застыл в идеальном моменте.

Он назвал их «кричащие тюльпаны» не потому, что это было красиво, а потому, что имя придавало форму хаосу, фиксировало его, делало осязаемым. Без имени всё распадалось, превращалось в бесформенную массу.

Мысль о ней пришла внезапно, как сбой в системе, как ошибка в безупречно работающем механизме. Он остановился. Рука зависла в воздухе, словно закоротившая машина.

— Нет... — прошептал он тихо, почти неслышно. — Не сейчас.

Пауза. Его взгляд стал отстраненным, словно он смотрел сквозь пространство.

— Сначала работа.

Но слово уже прозвучало, прорвалось сквозь плотину его самоконтроля.

— Мышь.

Он медленно опустил руку, и в этом движении было что-то почти человеческое.

— Оксана...

Голос изменился — едва заметно, но достаточно, чтобы нарушить холодную отстраненность.

— Маленькая...

Он закрыл глаза всего на секунду, но этого хватило, чтобы прошлое прорвалось сквозь его защитные барьеры.

— Ты воровала реактивы.

Пауза. Воспоминания накатывали волнами.

— Я позволял, — кивнул он, словно подтверждая что-то важное. — Конечно, позволял.

Он открыл глаза, посмотрел на застывшие фигуры, на своё творение.

— Ты смотрела правильно, — в его голосе проскользнула нотка гордости.

Тишина повисла тяжёлым одеялом.

— Значит... — он улыбнулся, но эта улыбка была другой, не холодной и отстранённой, а почти тёплой. — Значит, ты выжила.

Рюкзак он собирал методично, с той же точностью, с какой создавал свои «кричащие тюльпаны». Проверял каждую колбу, словно они были бесценными сокровищами. Каждую горелку, как будто от этого зависела судьба мира. Каждую «семечку», как будто это были последние зерна в умирающем мире. Он собирался не просто выйти в город, а продолжить свой эксперимент, просто в других, более масштабных условиях.

Город встретил его не тишиной, а ожиданием. Где-то скрипела дверь, словно жалуясь на свою судьбу. Где-то падало стекло, разбиваясь на тысячи осколков. Где-то далеко кричали — эти звуки были полны отчаяния и боли, и в них пока не было структуры, пока они не стали частью его композиции.

— Рабочий материал... — прошептал он тихо, его голос звучал почти нежно.

Он пошёл — медленно, не прячась, не ускоряясь, оставляя за собой застывшие фигуры, которые уже никогда не двинутся с места. Его шаги были размеренными, почти торжественными.

Он чуть повернул голову, словно ощущая чьё-то присутствие рядом.

— Я иду за тобой, Мышь...

Пауза. И тише, почти шепотом:

— Посмотришь... — длинная пауза, наполненная невысказанными словами. — Что получилось.

И впервые в его голосе прозвучало что-то, что можно было назвать человеческим — но только если не вслушиваться слишком внимательно, только если не пытаться разглядеть за маской ученого живого человека.

Глава 1

Фотография

Ржавая дверь магазина заскрипела так, будто её не открывали не десять лет, а всего несколько дней, но за эти дни мир успел настолько испортиться, что металл, дерево, стекло и даже воздух начали звучать иначе — с надрывом, с какой-то старческой злостью, будто всё вокруг обиделось на людей за то, что те слишком долго считали себя хозяевами. И Денис остановился на пороге не потому, что испугался, а потому, что очень быстро, почти без всякой

философии, пришёл к выводу: торопливые теперь не живут, торопливые становятся частью пейзажа — иногда лежащей, иногда ползущей, иногда, что особенно неприятно, всё ещё узнаваемой.

Он толкнул дверь плечом, чуть сильнее, чем надо, и скрип протянулся по тёмному залу, зацепился за пустые полки, за разбитые витрины, за потолочные панели, свисавшие, как содранная кожа. И где-то внутри что-то тихо осыпалось, после чего Денис замер, держа дробовик не красиво, не по-киношному, а так, как держат вещь, от которой зависит, останешься ли ты человеком хотя бы ещё на пару минут.

— Великолепно, — пробормотал он, прислушиваясь. — Если у этой двери была задача сообщить всем присутствующим, отсутствующим и частично разложившимся, что я пришёл, то она справилась с редким профессионализмом.

Он всегда говорил чуть сложнее, чем требовалось, и сам это знал, но в последние дни такая манера стала чем-то вроде внутренней подпорки, потому что пока ты можешь формулировать, пока вместо обычного «пиздец» у тебя получается выстроить мысль с подлежащим, сказуемым и хотя бы призрачной надеждой на смысл, ты ещё не окончательно стал частью этого нового порядка, где смысл измеряется патронами, водой и расстоянием до ближайшего выхода.

Внутри пахло пылью, расплавленным пластиком и чем-то сладковато-гнилым, прячущимся под запахом старой техники. Когда-то здесь продавали фотоаппараты, телевизоры, портативные терминалы, дешёвые импортные плееры, запрещённые официально и потому особенно желанные, — блестящий хлам, обещавший людям удобство, память, звук, картинку, красивую жизнь в рассрочку. А теперь всё это лежало на полу — разбитое, втоптанное, раздавленное, как доказательство того, что прогресс тоже умеетдохнуть некрасиво.

Денис вошёл боком, осторожно переставляя ноги, но стекло всё равно хрустнуло под ботинком — громко, предательски, почти радостно. Он замер, задержал дыхание, сосчитал про себя до пяти, потом до десяти, потому что пять показалось несерьёзным сроком для принятия решений в помещении, где за каждой стойкой мог стоять кто-нибудь бывший.

Никто не вышел. Пока.

— Значит, продолжаем эту сомнительную экспедицию в отдел памяти, — сказал он тише, чем раньше, и двинулся дальше.

Манекены валялись у стены: один без головы, другой — с вывернутой рукой, третий всё ещё был в рекламной куртке с надписью «ЖИВИ ЯРЧЕ». И Денис, проходя мимо, посмотрел на неё слишком долго, потом криво усмехнулся.

— Ну, тут производитель, конечно, угадал направление, но сильно ошибся с оттенком.

Он пришёл не за едой, не за батарейками, не за бинтами, хотя всё это было бы разумнее, полезнее и, если рассматривать ситуацию сугубо практично, значительно менее идиотично. Он пришёл за фотографией — за куском бумаги, который сам по себе не мог накормить, защитить или остановить зубы, но мог сделать кое-что более важное: напомнить, зачем всё ещё идти, когда вокруг уже почти никто никуда не идёт по своей воле.

Отдел фототоваров был разворочен: коробки вскрыты, плёнки размотаны и втоптаны в грязь, альбомы вывалены из ящиков, словно кто-то в панике искал здесь не снимки, а доказательство, что всё это можно отмотать назад, вернуть, перещелкнуть, проявить заново — только без крови, огня и белесых глаз за дверью подъезда.

Он присел, провёл пальцами по разбухшей картонной папке, и память включилась сразу, без разрешения: Оксана стояла у окна, собирая сумку после смены, — усталая, с тем самым выражением лица, каким врачи смотрят на мир после суток работы, когда человек ещё жив, но уже очень условно, — и говорила: «Я плёнку отдала, Денис, в тот магазин рядом, заберу потом, если не забуду».

Не забрала. Он уже проверил два места. Оставалось это.

— Если не забуду, — повторил он тихо, и в голосе впервые за всё время что-то дрогнуло. — Ну конечно, дорогая, великолепная формулировка для конца света, почти медицинская точность прогноза.

Он нашёл альбом не сразу: сначала попалась чужая свадьба, потом — дети на фоне старого фонтана, потом — мужчина с гармошкой, потом — девочка в венке на каком-то празднике, где ещё были живы сразу несколько вещей: свет, музыка, глупость и люди, которые не знали, что однажды их лица будут перелистываться грязными пальцами незнакомца в мёртвом магазине.

И потом появилась она.

Булка сидела на берегу, на песке, чуть отвернувшись, не позируя, не играя в красоту, — просто глядя куда-то в сторону воды. И в этом её спокойствии было столько живого, что Денису на мгновение стало физически больно, будто фотография не сохранила прошлое, а открыла дверь туда, куда уже нельзя войти. Он помнил этот кадр: она повернула голову не полностью, только немного, волосы тронул ветер, солнце легло сбоку, и он нажал — почти случайно, почти не думая. А теперь этот случайный миг оказался тяжелее всего, что он нёс с собой.

— Твою же мать, — выдохнул он очень тихо, без злости.

Он вынул снимок аккуратно, будто доставал не бумагу, а орган, который ещё можно было пересадить в его собственную грудь, и некоторое время просто смотрел, забыв, что в мире существуют звук, запах, опасность, потому что на фотографии были глаза — настоящие, не белёсые, не пустые, не вымытые изнутри, а живые, усталые, внимательные, такие, какими человек смотрит, когда ещё способен выбирать, лечить, ругаться, смеяться и не становиться ничьей добычей.

Он убрал фотографию во внутренний карман, прижал ладонью, как проверяют рану, из которой не должна уйти кровь, и только тогда услышал сзади тихий хруст — не громкий, не случайный.

Денис закрыл глаза на долю секунды.

— Разумеется.

Он повернулся медленно.

Охранник — бывший охранник, бывший человек — стоял между стойками. Форма висела на нём мешком, лицо уже начало терять связь с тем, чем когда-то было, но глаза держались на месте — белёсые, пустые, с той страшной, бесстыжей пустотой, в которой не было ни злобы, ни боли, ни просьбы. И от этого становилось хуже, потому что если в глазах ничего нет, значит, разговаривать не с кем.

За стеклом шевельнулись тени. Потом ещё.

— Замечательно, — сказал Денис, поднимая дробовик. — Аудитория расширяется, а я, как назло, без подготовленной лекции.

Первый выстрел разорвал тишину: охранник откинулся назад, ударился о витрину и сполз вниз. Но тишина не вернулась, потому что снаружи уже слышались шаги — слишком много шагов, — и Денис понял, что дверь своим мерзким скрипом действительно справилась лучше любой сирены.

Он проверил карман. Фотография была на месте.

— Оксана, — сказал он, перезаряжая, уже спокойнее, почти деловито, — я тебя найду, потому что в противном случае вся эта композиция событий окончательно лишится смысла, а я, как ты помнишь, всегда крайне плохо относился к бессмысленным мероприятиям.

Стекло посыпалось внутрь. Денис шагнул назад, поднял ствол и, прежде чем нажать, успел подумать, что память — дрянной груз, тяжёлый, бесполезный и необходимый, как сердце. Потом выстрелил снова.

Глава 1.1

Фотография

Первый выстрел не остановил ситуацию, он её только обозначил — как если бы Денис нажал кнопку, после которой мир решил наконец перестать притворяться пустым и начал заполняться движением, звуком и тем самым давящим ощущением, что теперь уже поздно быть тихим, осторожным и умным в привычном смысле, потому что осторожность закончилась в тот момент, когда дверь за его спиной решила объявить о его присутствии всему району.

Охранник упал, но не стал точкой — он стал запятой, и за этой запятой из темноты начали выходить другие: сначала один, потом два, потом больше. И в их движениях не было ни спешки, ни страха, только тупая, уверенная направленность, как у воды, которая нашла трещину и теперь просто течёт, не думая о форме.

— Ну давайте, — выдохнул Денис, чуть смещаясь в сторону, чтобы не зажали между стойками. — Раз уж собрались, будем считать это крайне неформальной встречей без повестки и с очевидным финалом.

Он выстрелил снова, не целясь долго. Дробь вошла в лицо ближайшего, разорвав его так, что череп открылся, как неправильно вскрытая консервная банка: куски кости и тёмной массы разлетелись по стене, оставляя на ней густые, неровные следы. И тело пошатнулось, но не сразу упало — ещё шагнуло вперёд, будто не поняло, что с ним уже всё.

Денис не ждал, пока оно решит: он просто сделал шаг назад и выстрелил ещё раз, уже ниже, ломая сустав, сбивая остатки координации. И только тогда тело окончательно сложилось, ударившись о витрину.

Слева послышался хруст: один из Пустых полез через разбитое окно, зацепился рукавом за осколок — ткань порвалась, кожа пошла следом, повиснув полосой. Но он даже не замедлился: только дёрнул плечом и шагнул внутрь, оставляя на стекле кусок себя, как ненужную деталь.

— Вот это настойчивость, — коротко бросил Денис, разворачиваясь. — У живых бы так получалось — цены бы вам не было.

Выстрел — и голова того, кто только что перелезал, откинулась назад, будто её толкнули невидимой рукой. Тело осталось стоять ещё секунду, потом завалилось внутрь с глухим звуком, уже почти не похожим на человеческий.

Шаги усиливались. Слишком много. Слишком быстро для одного выхода.

— Так, значит, план «спокойно осмотреть помещение» официально признан несостоятельным, — пробормотал он, быстро оценивая пространство. — Переходим к более динамичной части программы.

Он отступил глубже в зал, разворачиваясь так, чтобы видеть сразу два направления, и выстрелил почти на автомате, когда один из Пустых вышел из-за стойки слишком близко. Дробь вошла в шею, вырвав кусок: из раны хлынула густая, тёмная масса, но он всё равно сделал ещё шаг, вытягивая руки. Пальцы дёргались, как будто пытались вспомнить, как хватать.

— Не вспомнишь, — тихо сказал Денис и добил его вторым выстрелом.

Гильзы падали под ноги, перекатывались по стеклу. Дробовик становился тяжелее не физически, а ощущением: будто каждое движение теперь нужно делать быстрее, точнее, без лишних мыслей, потому что мысль — это роскошь, а роскошь в этом мире не выживает.

Сзади что-то рухнуло, и он резко обернулся: манекен, задетый телом, упал. Но за ним уже шёл другой — высокий, в порванной куртке, с половиной лица, которая ещё пыталась держать форму. И именно это было хуже всего, потому что в остатках выражения ещё угадывалось что-то человеческое.

— Извини, — сказал Денис почти автоматически и выстрелил.

На этот раз дробь вошла чуть выше: голова разлетелась, и осколки ударили в потолок, оставляя тёмные пятна, которые медленно стекали вниз, собираясь в полосы.

Он сделал шаг назад и упёрся плечом в стойку. Плохо. Слишком тесно. Слишком много углов, из которых могут выйти.

— Так, — коротко выдохнул он. — Меняем декорации.

Он развернулся и пошёл к выходу быстрее, чем раньше, уже не скрывая шагов, потому что скрывать было нечего: звук всё равно шёл за ним, как хвост, и на этот хвост уже реагировали.

Ещё один выстрел — в сторону движения, больше для того, чтобы сбить ритм, чем убить. Но дробь всё равно нашла цель: кто-то упал, кто-то споткнулся, цепляясь за лежащих, — и на секунду в этой массе появилась пауза. Этого хватило.

Денис вылетел к двери, толкнул её плечом — и она снова закричала, как будто радовалась повторению. Но на этот раз звук уже не имел значения, потому что сзади пошёл настоящий шум: стекло, шаги, удары. И он понял, что задерживаться больше нельзя.

Он выскочил на улицу — резко в сторону, не по прямой, потому что прямые линии в таких ситуациях быстро заканчиваются, — и сразу побежал. Не спринтом, а тем самым рваным, экономным бегом, который позволяет двигаться долго, не умирая от усталости раньше времени.

Сзади вывалились первые Пустые: один споткнулся о порог, упал, остальные прошли по нему, не замечая, и двинулись за ним. Но на открытом пространстве их преимущество исчезало: здесь было видно, здесь можно было маневрировать.

Денис обернулся на ходу, поднял дробовик и выстрелил ещё раз — не для того, чтобы зачистить, а чтобы сократить расстояние между «опасно» и «пока терпимо». Один из преследующих рухнул, остальные замедлились на долю секунды.

— Этого достаточно, — пробормотал он, убирая ствол чуть ниже.

Он свернул за угол, пробежал через пустую парковку, где машины стояли, как оставленные на полпути решения: некоторые с открытыми дверями, некоторые — с пятнами на сиденьях. И запах здесь был другой — более свежий, если это слово ещё можно было использовать.

Он остановился только тогда, когда шум позади стал тише, растворился в общем фоне города, где всё теперь звучало одинаково — как что-то, что уже нельзя починить.

Денис опёрся рукой о стену, перевёл дыхание — недолго, потому что долго сейчас — плохая идея, — и автоматически проверил карман. Фотография была на месте.

— Отлично, — тихо сказал он. — Значит, всё это было не зря, по крайней мере в локальном смысле.

Он посмотрел вдоль улицы. Где-то дальше, за перекрёстком, за серыми коробками домов, за вывесками, которые ещё не успели окончательно упасть, торчал знакомый силуэт: длинное здание с проваленными окнами, с остатками букв на фасаде, которые ещё можно было сложить в слово, если очень захотеть. Больница.

Он смотрел туда чуть дольше, чем нужно.

— Ну конечно... — усмехнулся он без радости. — Куда же ещё.

Он выпрямился, перехватил дробовик удобнее и пошёл в ту сторону — уже не так быстро, как бежал, но и не медленно. Потому что теперь у него была не просто цель, а направление. А в мире, где всё распадается, это иногда важнее, чем патроны.

— Оксана, — тихо сказал он, почти без интонации. — Надеюсь, ты там.

И пошёл дальше, оставляя за спиной магазин, в котором память снова попыталась его убить и, как ни странно, не смогла.

Глава 2: Первые дни хаоса

День, когда мир решил больше не притворяться

Мир не закончился — он просто в какой-то момент перестал делать вид, что понимает сам себя. И это произошло не с криком, не со взрывом, а почти вежливо, как сбой в системе,

который сначала выглядит локальным, неопасным, почти удобным для отчёта, потому что его можно назвать словом. А слово создаёт иллюзию контроля.

И люди, как им и положено, начали быстро подбирать эти слова, примеряя их к происходящему, как одежду не по размеру: «вирус», «вспышка», «инцидент», «кризис», «диверсия», «техногенная ошибка». Потому что если у проблемы есть название, значит, у неё есть границы, а если есть границы — значит, где-то есть и выход.

Проблема заключалась в том, что выход никто не находил. А потом стало ясно, что его, возможно, и не было. И контроль закончился раньше, чем появились ответы. Хотя, если смотреть честно, контроль и до этого был условностью — просто выглядел солиднее: с печатями, протоколами и людьми, которые говорили уверенно.

Город начал меняться не сразу, а через детали, которые по отдельности не пугали, но вместе создавали неправильность: сначала исчезли дети с площадок; потом стало меньше машин; потом кто-то не вышел на работу; потом в подъезде хлопала дверь, потому что её некому было закрыть; потом соседи перестали здороваться; потом окна стали смотреть пусто.

И только после этого стало ясно, что это не временное, а окончательное — просто без объявления.

Но человек устроен так, что до последнего пытается впихнуть невозможное в знакомую форму. И именно это убивало быстрее всего. Потому что если соседку вчера увезли в мешке, а сегодня она стоит у окна — значит, ошибка. Если врач держит руку неестественно — значит, спазм. Если человек без половины лица идёт по улице — значит, ещё жив, значит, нужно подойти, помочь, разобраться.

Вот это «разобраться» и стало самым коротким маршрутом к смерти.

Под старым мостом, где всегда пахло сыростью, мочой и чем-то таким, что невозможно выветрить даже пожаром, из канализационной трубы выбрался первый. Хотя слово «первый» потом потеряло смысл, потому что таких стало слишком много — слишком быстро.

Он не двигался сразу, сначала стоял, как будто внутри происходила настройка. Потом резко выпрямился — слишком резко для живого тела. Голова ушла в сторону, глаза смотрели мимо, и он сделал шаг, потом ещё — и пошёл, не выбирая направления, просто потому что теперь движение стало единственной функцией.

На лавке сидел мужчина, обычный, живой: курил, листал новости, раздражался, читая очередное сообщение о «локализованной ситуации». Слово «локализованная» тогда звучало особенно хорошо — оно делало проблему маленькой, управляемой, чужой.

Он не услышал. Не посмотрел. Не понял.

Когда тот подошёл, наклонился и вцепился зубами в шею, всё произошло настолько быстро, что страх не успел сформироваться — только звук: короткий, захлебывающийся. Телефон упал, экран треснул, кровь вышла резко, под давлением, и в этом было что-то почти техническое, без драмы.

Кто-то закричал. Кто-то побежал. Кто-то подошёл ближе. И именно те, кто подошёл, стали следующими.

Полицейский появился быстро — злой, уверенный, привыкший к тому, что проблемы решаются криком и оружием. Он увидел драку, кровь, не понял, заорал, потянулся к пистолету, но замешкался на долю секунды — потому что мир ещё не объяснил ему, что правила изменились. И этой доли хватило.

К полудню город уже знал. К вечеру делал вид, что не знает.

Телевидение сначала молчало, потом говорило аккуратно, потом уверенно врало, как всегда. Только в этот раз ложь закончилась быстрее, чем обычно, потому что реальность не успевала подстраиваться под формулировки.

Врачи пытались лечить — и умирали первыми, потому что подходили ближе всех. Полиция пыталась контролировать — и умирала второй, потому что верила, что ситуация управляемая.

Армия пыталась держать линии — но линии не работали, потому что проблема была не снаружи. Она уже была внутри.

Единицы поняли сразу. Они: не задавали вопросов; не тянули руки; не пытались помочь.

Они стреляли — в голову — и шли дальше. И именно они остались. Остальные — не всегда.

Паника пришла позже, когда накопилось слишком много невозможного. Машины встали, люди начали грузить всё подряд: детей, сумки, телевизоры, коробки, животных. Потому что человек в беде сначала спасает не то, что нужно, а то, что привычно, — лишь бы не признать, что он не понимает, что важно.

Город начал задыхаться: дороги забились; крики стали фоном; сирены — шумом.

И в этом шуме исчезла разница между опасностью и жизнью.

Те, кто принимал решения, закрылись быстро: гермодвери, бункеры, списки. «Свои» — внутрь, остальные — вне системы. И это был момент, когда старый мир сказал правду, но уже без слов.

Снаружи остались люди. И это была самая честная часть происходящего.

Проблема пошла дальше: поезда; автобусы; самолёты.

Всё двигалось — и несло её с собой. Потому что заражение было не точкой, а процессом.

К ночи город начал гореть — не красиво, не равномерно, а кусками. Кто-то жёг тела, кто-то — живых, кто-то просто жёг, потому что огонь давал ощущение контроля, которого больше не было.

Под тем же мостом стало тихо. Телефон лежал на асфальте, экран треснул — но работал. Иногда техника держится дольше людей.

По дороге шли те, кто ещё днём был исключением: мужчина, полицейский, женщина, подросток. И все они двигались одинаково — без усталости, без цели. И в этом равенстве было что-то окончательное.

Мир не умер. Он просто выбрал другую форму. И эта форма оказалась: проще; жёстче; честнее.

Утром те, кто остался, поняли самое неприятное: нет «где-то там»; нет «пронесёт»; нет «нас не коснётся».

Есть только: ты; твоя дверь; твоё оружие; темнота за стеной, которая больше никогда не будет просто темнотой.

И именно в этот момент стало ясно: старый мир закончился. Не вчера. Не ночью. А сейчас — когда это поняли. И начался новый.

Глава 2.1: 4 день хаоса

Титан

Когда мир начал трещать, большинство людей даже не поняло, что это звук не снаружи, а изнутри. И пока одни искали виноватых, другие — объяснения, третьи — выход, всё уже происходило: без разрешения, без предупреждения, просто потому что процессы, которые долго копятся, не спрашивают, готов ли ты.

У Леси не было плана в привычном смысле — с пунктами, сроками и вариантами «если». Но у неё было главное: ощущение момента, когда система перестаёт работать. И дальше уже не «сложно», а «бесполезно пытаться по-старому». И именно это ощущение позволило ей не тратить время на панику, потому что паника — это роскошь тех, кто ещё верит, что всё можно вернуть. Машина шла быстро — слишком быстро для города, который ещё недавно жил по

правилам. Но сейчас скорость была не риском, а необходимостью, потому что стоять означало дать миру догнать тебя.

— Сколько у нас осталось? — спросила она, не отрывая взгляда от дороги.

Ровно. Без давления.

Валёк не ответил сразу, как и всегда: сначала посмотрел в зеркало, потом в сторону, как будто сверялся не с дорогой, а с чем-то внутри, что не требовало спешки.

— Мало, — сказал он.

Пауза.

— Настолько, что если остановимся — дальше уже не по плану.

— Приняла.

Этого хватило.

Сзади Вася работал с оборудованием — не торопясь, но быстро: парадокс, который в нём был естественным. Он не суетился, но успевал. И даже сейчас, когда связь начала сыпаться, он не ускорился — просто стал точнее.

— Сигнал умирает, — сказал он спокойно, будто констатировал погоду. — Насколько?

— Сначала прыгал, теперь... — он чуть наклонил голову, слушая что-то своё, — уже почти нет. Остатки, как эхо.

— Записывай всё.

— Записываю.

— Даже если некуда.

— Будет куда.

Он кивнул сам себе.

Фанера не спорил. Он фиксировал.

Базич молчал, но его молчание было плотным. Он не просто смотрел в окно — он разбирал пространство, как карту угроз, и иногда чуть усмехался, когда видел что-то, что подтверждало его внутренние ожидания.

Фрея сидела спокойно, но в этом спокойствии было слишком много концентрации.

— Нас уже нет в системе, — сказала она. Не вопрос.

Валёк чуть усмехнулся:

— А мы там были?

— В этот раз — окончательно.

— Значит, никто не будет мешать.

Леся коротко посмотрела на него:

— Ты находишь в этом плюсы?

— Я нахожу в этом рабочие условия.

Она едва заметно кивнула:

— Принято.

Город за окнами не рушился — он распадался, медленно, неправильно, как организм, который ещё двигается, но уже не живёт. Двери были открыты, машины стояли под углами, свет горел там, где его не должно быть. И главное — исчезло ощущение, что за всем этим кто-то следит.

— Смотри, — тихо сказал Вася.

Леся посмотрела — и сразу поняла.

Лавка. Человек. Тот самый тип движения, который невозможно перепутать, потому что он не про цель. Он про отсутствие.

Он сидел, как сидят живые: чуть наклонившись, руки опущены. Но голова двигалась иначе — с задержкой, с лишней амплитудой, как будто тело уже не понимало, как держать равновесие.

— Видела, — сказала она.

Пауза.

— Это он, — тихо добавил Вася, почти без эмоции.

— Знаю.

Валёк не повернул голову сразу:

— Наш?

— Уже нет.

Пауза.

— Действие?

Она не ответила мгновенно, но и не думала долго:

— Если поднимется — в голову.

— Принято.

Базич тихо хмыкнул:

— Сидит спокойно, никого не трогает. Классика.

— Он не сидит, — спокойно сказала Леся.

— Он ждёт.

Фрея чуть наклонилась вперёд:

— Он не ждёт.

Пауза.

— Он просто остался в положении.

Валёк усмехнулся:

— Даже лучше.

Машина не замедлилась. Они проехали.

И в зеркале заднего вида стало видно, как тот, что сидел, медленно, неестественно начал подниматься — не сразу, рывками, будто кто-то внутри него вспоминал последовательность движений.

— Поздно, — тихо сказал Вася.

— Да, — ответила Леся. И отвернулась.

Блокпост появился резко — не как защита, а как остаток.

Баррикада стояла, но в ней уже не было смысла. Один солдат сидел, автомат лежал на коленях. Второй лежал рядом, и по тому, как он лежал, было понятно, что вставать он уже не собирается. Третий стоял, смотрел — но не понимал.

Когда машина приблизилась, он поднял руку неуверенно, как человек, который забыл, зачем он здесь.

— Не тормози, — сказал Валёк.

Леся даже не подумала снижать скорость. Они проехали. Никто не выстрелил.

— Всё, — тихо сказал Вася.

— Да.

— Теперь сами.

— Мы и были сами.

— Не в таких условиях.

— Условия — это масштаб, — спокойно ответила она. — Суть не меняется.

Город стал другим. Не опаснее — честнее. Люди исчезали. А те, кто оставались, уже не были «людьми» в привычном смысле.

— Значит, правила? — спросил Валёк.

— Отсутствуют.

— Удобно.

— Нет.

Пауза.

— Но понятно.

Машина свернула. Асфальт стал хуже, дома — ниже, дорога — уже. И впереди начал проступать бетон: серый, тяжёлый, немигающий. Комплекс. Тот самый. **Титан**.

Он не выглядел как спасение. Он выглядел как то, что переживёт — не потому что предназначен, а потому что построен с мыслью, что всё остальное однажды закончится.

— Если не откроют? — тихо спросила Фрея.

Валёк даже не повернулся:

— Откроют.

— Почему?

Пауза.

— Потому что им тоже нужен план.

— А если нет?

Он чуть повернул голову:

— Тогда будет другой разговор.

Леся смотрела вперёд: на ворота, на бетон, на границу.

— Значит, сейчас момент.

— Какой? — спросил Базич.

Она не ответила сразу:

— Где всё делится.

Пауза.

— На тех, кто внутри.

— И тех, кто снаружи.

Машина замедлилась. Ворота стояли закрыты. Пока.

И в этой паузе стало понятно: это уже не про выживание. Это про отбор. И назад дороги нет.

Глава 3: Синий свет

9 лет после — 20 мая

Холод больше не воспринимался как что-то отдельное, он давно стал частью тела, как усталость, как тяжесть в плечах, как привычка не расслабляться даже во сне, и самое неприятное было не в том, что он был сильным, а в том, что его перестали замечать, потому что человек ко всему привыкает, даже к тому, к чему привыкать нельзя, и именно это ломает быстрее всего.

Фабрика «Титан» не выглядела заброшенной, она выглядела пережившей, и в этом была разница, потому что заброшенное — это мёртвое, а пережившее — это то, что осталось после смерти всего остального, и такие места всегда дышат иначе.

Здесь было шумно. Не звуками. Фоном. Металл скрипел, где-то падало что-то тяжёлое, гул шёл из глубины — не слышно, чувствуется.

Леся сидела в кресле, которое давно треснуло, но не сломалось, и в этом было что-то правильное, потому что оно держалось так же, как и она — не потому что могло, а потому что иначе нельзя.

Нога на подлокотнике, спина расслаблена, взгляд в никуда. Со стороны — безразличие. На деле — расчёт.

Рядом лежал «Вепрь». Чистый, готовый, честный. В отличие от людей.

Она провела пальцами по шраму, не думая, просто проверяя — здесь ли она ещё, не изменилась ли, потому что за девять лет стало слишком много примеров, когда человек перестаёт быть человеком не сразу, а постепенно, и в какой-то момент уже невозможно сказать, где была граница.

Дверь скрипнула. Она не повернулась.

— Ведьма, — произнёс голос Валька, спокойный, как всегда, без лишнего, как факт.

Он вошёл не спеша, но вовремя.

— Южка, институт эпидемиологии, — сказал он, бросив рацию на стол. — Два «уазика», без знаков, зашли и сидят.

Пауза.

— Не просто сидят.

Она чуть повернула голову.

— Говори.

— Гул.

Пауза.

— Не техника.

— И?

— И крики.

Короткая тишина. Не напряжённая. Рабочая.

Она встала без резких движений.

— Пять человек.

— Понял.

— Пешком.

— Принял.

— Васю с глушилкой.

Он кивнул, развернулся. И уже у двери она добавила:

— Если это учёные...

Пауза.

— Значит, будет хуже.

Он усмехнулся.

— Уже хуже.

— Будет.

Тихо.

— Намного.

Через три часа холод перестал существовать отдельно, он стал просто фоном, как дыхание, как грязь под руками, как запах, который не уходит.

Они лежали в траве.

Институт стоял впереди. Слишком целый. Слишком правильный. Как будто его не трогали. И это уже было плохо.

— Не наши, — тихо сказал Базич.

— И не мусор.

Валёк молчал.

Фанера смотрел не на здание. Он смотрел через него.

— Есть движение, — тихо сказал он.

— Внутри.

Фрея чуть наклонилась.

— Не хаотичное.

Пауза.

— Организованное.

Леся не отвечала. Она считала: окна, тени, ритм. И свет. Синий. Слишком чистый для этого мира. Слишком стабильный.

— Уходим, — сказала она без обсуждения.

И они исчезли.

В соседнем доме было тихо. Не безопасно. Тихо. Это разные вещи.

Они собрались в комнате, где когда-то жили люди, и это всё ещё чувствовалось: запах старой ткани, пыли, следы на стенах.

— Это не рейд, — сказала Леся.

— Это работа.

Пауза.

— Проект.

Слово повисло. Тяжёлое.

Базич тихо хмыкнул.

— Отлично, проекты я люблю, особенно когда они убивают.

— Они держат кого-то, — сказал Вася.

— Или что-то.

Леся посмотрела на него дольше.

— Хотелось бы, чтобы «кого-то».

Пауза.

— Но не думаю.

Тишина стала плотнее.

— Базич, Вася — глушите.

— Есть.

— Остальные — за мной.

Она не объясняла. Потому что объяснения — это время. А времени не было.

Подвал встретил их запахом: сладким, гнилым, химическим.

Так пахнет не смерть. Так пахнет процесс.

— ...Это не вирус... — раздался голос. Живой.

— ...Вы не понимаете...

Выстрел. Резкий. Короткий.

И тишина, после которой всё становится хуже.

Леся не остановилась. Просто кивнула и пошла дальше.

Коридор. Узкий. Свет — аварийный.

Но впереди было другое. Синий. Он не освещал. Он присутствовал.

Гул усиливался. Он давил: на грудь, на голову, на мысли.

Фанера чуть замер.

— Не нравится.

— Не тебе одному, — тихо сказал Валёк.

Леся не ответила. Она чувствовала это кожей. И это было неправильно. Очень.

Дверь. Металлическая. Приоткрыта.

Свет — изнутри. Гул — оттуда. И что-то ещё. Дыхание. Но не человеческое.

Она подняла руку. Все замерли.

— Готовы? — тихо спросил Валёк.

Она не ответила. Просто толкнула.

Свет ударил. Синий. Чистый. Холодный.

Внутри всё было слишком аккуратно: столы, инструменты, аппаратура. И люди. И не люди.

На столе лежал человек. Привязанный. Живой. Но уже не совсем. Его тело не умирало. Оно менялось. Медленно. Как будто его перестраивали.

Рядом стоял человек в костюме. Спокойный. Сосредоточенный.

— Вы не понимаете... — сказал он без страха. — Это не болезнь.

Пауза.

— Это переход.

Он повернулся, улыбнулся.

— Наконец-то.

Пауза.

— Вы пришли.

Гул стал сильнее. Свет — ярче. И в этот момент стало ясно: они не первые. И не последние.

Леся подняла «Вепрь» и нажала.

Выстрел. Кровь. Тело дернулось.

Но гул не исчез. Он стал глубже. Сильнее. Живее. Как будто это было частью процесса.

Фанера резко повернул голову.

— Не один.

— Знаю, — тихо сказал Валёк.

Леся опустила оружие медленно.

— Уходим.

Никто не спорил. Потому что все уже поняли: они нашли не лабораторию, не группу, не эксперимент. Они нашли точку, где что-то началось. И теперь это уже не остановить.

Глава 4: Чистые руки

9 лет после — 20 мая

Запах антисептика въедается не сразу. Сначала он кажется спасением, потом становится нормой, а потом исчезает вовсе — потому что ты перестаёшь его чувствовать. Он становится частью тебя, как кожа, как дыхание, как привычка не задавать лишних вопросов и не ждать ответов. И в какой-то момент ты уже не понимаешь, где заканчивается запах и начинаешься ты.

Оксана давно не морщилась.

Лазарет, как его называли те, кто ещё цеплялся за старые слова, находился в бывшей стоматологии: белые стены, ровный свет, кресла, в которых раньше лечили зубы, а теперь пытались удержать людей от чего-то куда более неприятного, чем боль. И эта чистота здесь была почти оскорбительной — слишком честной, потому что в ней нельзя было спрятаться, нельзя было сделать вид, что всё происходит где-то не с тобой.

Снаружи мир сгнил — медленно, шумно, с криками и огнём. А здесь он остался чистым. И именно поэтому здесь было страшнее. Потому что здесь всё было видно: каждое движение, каждую ошибку, каждую попытку спасти — и каждую попытку не спасти. А это, как оказалось, две очень разные вещи.

Оксана стояла у стола и смотрела на пациента: мужчина, лет сорок, крепкий, был. Теперь — слабый, потный, с воспалённой раной на предплечье. Укус. Свежий. Ещё есть время. Возможно. Но «возможно» в этом мире давно стало самым опасным словом.

— Сколько времени? — спросила она, не оборачиваясь.

— Час... может, полтора, — ответили сзади. Голос дрожал, но для неё это уже не имело значения. Дрожь не входила в список симптомов.

— Температура?

— Тридцать восемь и семь.

— Пульс?

— Частый.

Она кивнула спокойно, без эмоций, как будто сверяла показатели прибора, а не человека. Потому что в её мире остались только цифры, реакции и время. Всё остальное мешало работать.

Она вздохнула — не устало, а раздражённо, как человек, которому снова дали задачу без решения.

— Привязывайте.

— Что?! — прозвучало тихо, почти с надеждой.

Она повернулась медленно.

— Привязывайте.

Мужчина дёрнулся.

— Вы что делаете?! Я же... я же нормальный...

Оксана посмотрела на него долго, спокойно, не как на человека, а как на процесс, который ещё не завершился.

— Пока — да.

Ремни затянулись. Сначала аккуратно, потом сильнее, потом уже с пониманием, что аккуратно здесь не работает. Мужчина начал паниковать — сначала словами, потом голосом, потом телом. И чем больше он пытался доказать, что он живой, тем меньше это имело значение.

— Вы с ума сошли?! Отпустите меня!

Оксана не отвечала. Она готовила шприц. Движения были точными, отработанными, почти красивыми — как в прошлой жизни. Только теперь здесь не было ассистентов, не было системы, не было гарантий. Была только она и выбор, который она сделала давно.

Игла вошла легко.

— Это что?! Что вы делаете?!

Она чуть наклонила голову.

— Пытаюсь понять, что с вами происходит.

— Я живой!

— Пока — да.

Пауза повисла тяжёлая, вязкая. Он начал кричать — громко, отчаянно, слишком живо для этого мира. А она наблюдала: сначала дыхание, потом кожа, потом глаза — не отвлекаясь, не моргая. Потому что если начать думать, становится сложнее продолжать. А она не могла себе этого позволить.

— Давление растёт... — прошептали сзади.

— Замолчи.

Голос замолчал. Потому что здесь решения принимала она.

Мужчина начал задыхаться. Пена. Судороги. Ремни натянулись. Кресло закрипело. Тело выгнулось, как будто его ломали изнутри.

— Держите.

— Мы держим.

— Сильнее.

Она наклонилась ближе, смотрела прямо в глаза. И в какой-то момент там что-то изменилось — не сразу, не резко, как будто внутри просто переключили свет.

— Интересно... — прошептала она.

Мужчина затих. Резко. Потом тело дёрнулось — один раз, второй, третий. И он открыл глаза. Но это были уже не те глаза.

Оксана улыбнулась — чуть, почти честно.

— Вот теперь начинается.

Сзади кто-то выругался. Кто-то отвернулся. Кто-то заплакал. Но это уже не имело значения.

— Записывай. Всё. Каждую секунду.

Она сняла перчатку, посмотрела на руку — чистая, идеально чистая, как будто ничего не произошло, как будто она не держала только что границу между человеком и чем-то другим. Надела новую. И только на секунду позволила себе мысль: а если это не остановить... а если это и есть ответ...

Она резко оборвала её. Не потому что испугалась — потому что это мешает работать. Прошрое мешает. Лица мешают. Голоса мешают. Море мешает. Жёлтые цветы мешают. Он мешает. Всё это — лишнее. Всё это — отвлекает.

Чтобы не сойти с ума — нужно убрать лишнее. Оставить только цель. Найти способ остановить это. Найти антивирус. Любой ценой.

Даже если цена — человек. Даже если цена — она сама.

Она отвернулась.

— Следующий.

Слово прозвучало спокойно, ровно, как будто это обычный рабочий день.

Где-то далеко в этот момент работал другой свет — синий, холодный, чужой. Но она о нём не знала. И не должна была знать. Пока.

Потому что её путь был другим — более медленным, более человеческим. И поэтому — более страшным. Она не создавала новое. Она пыталась спасти старое. Но в этом мире разница между «спасти» и «сломать» исчезала слишком быстро.

Вечером она вышла на улицу, села на ступени. Руки дрожали — немного, почти незаметно. Достала сигарету, зажгла, затянулась — и впервые за день закрыла глаза.

И сразу пожалела.

Они вернулись: лица, голоса, смех, море, жёлтые цветы. И он.

Она резко открыла глаза.

— Потом... Всё потом.

Потому что если остановиться — можно не продолжить.

А она уже выбрала. Не помнить. Не чувствовать. Цель.

И в этом выборе уже не было дороги назад.

Глава 4.1: *Те, кто остались*

1–2 неделя хаоса

После того выезда — того самого, где в тёмной квартире на втором этаже они впервые без иллюзий увидели, что перед ними уже не больной и не псих, а что-то другое — быстрое, пустое и жадное — они с Денисом разошлись не из-за ссоры, не из-за глупости и не потому, что хотели. Они разошлись, потому что в те дни все расходились именно так — наспех, на автомате, с фразами вроде: «Через час увидимся», «Заберу вещи и вернусь», «Только быстро». Как будто мир ещё держался на привычке обещать. Как будто у людей всё ещё было это самое «потом».

У больницы тогда ещё держалась видимость порядка — криво, на честном слове, на запертых дверях и упрямстве тех, кто не привык уходить первым. После возвращения с вызова они сели на крыльце — буквально на пару минут. Грязные, злые, пропахшие потом, страхом и тем сладковатым запахом, который уже начал появляться везде, где недавно был человек.

Денис курил жадно, будто пытался втянуть в себя не дым, а паузу. Смотрел куда-то мимо двора, мимо машин, мимо города — как будто там ещё можно было увидеть что-то нормальное.

Булка сидела рядом, опираясь локтями о колени, и молчала. Потому что слов не осталось. А если бы и были — они бы всё равно ничего не изменили.

— Я заскочу к себе, — сказал он наконец, не поворачивая головы. — Возьму вещи и назад.

Она кивнула.

— Я тоже. Мне нужны документы, лекарства, записи.

Он усмехнулся коротко, устало.

— Красиво звучит. Как будто завтра будет кому это читать.

Она не улыбнулась. Но уголок рта дрогнул.

— А вдруг.

Он докурил. Раздавил окурок.

— Через час.

— Через час.

И вот это «через час» потом останется в ней занозой. Потому что некоторые слова звучат слишком просто, чтобы сразу понять — они могут стать последними.

Они разошлись в разные стороны. Как делали это десятки раз раньше. Не оглядываясь. Не прощаясь. Потому что не было причины прощаться. Просто два человека разошлись по делам, уверенные, что скоро снова окажутся рядом.

Она вернулась. Не потому что была быстрее. Потому что в какой-то момент перестала собирать жизнь — и начала собирать только нужное: препараты, перевязку, ампулы, блокноты, воду.

И когда стояла у входа в больницу и ждала — это ещё не было тревогой. Это было ожидание. Спокойное. Рабочее. Как задержка на вызове.

Потом прошёл час. Потом ещё. Потом ожидание стало напряжением. Потом — злостью. Потом — холодом.

Она выходила к воротам, смотрела на улицу: на редкие машины, на людей, которые уже не шли, а бежали, на военных, пронёсшихся колонной, на женщину, тянущую ребёнка так, будто спасала не его, а себя. И каждый раз говорила себе одно и то же: «Сейчас придёт. Застрял. Помог кому-то. Он всегда помогает. У него это в крови».

Он не пришёл.

Ночью стало хуже.

Сначала люди начали стекаться к больнице — раненые, испуганные, с пакетами, с детьми, с теми, кого ещё не хотели отпускать. Потом появились те, кто уже не просил помощи. Потом — те, кто вообще ничего не хотел, кроме движения и еды.

К утру первый этаж стал не больницей, а линией обороны: шкафы, каталки, железо, двери.

Булка пыталась работать по-старому: сортировать, проверять, слушать, различать тех, кого ещё можно вытащить. Но мир ломался быстрее, чем медицина успевала перестраиваться.

И посреди этого всего она всё ещё ждала. Не постоянно. Не красиво. Рывками. Если хлопала дверь. Если слышался мотор. Если мелькал силуэт. Каждый раз что-то внутри дёргалось. Каждый раз — зря.

На третьи сутки ей тихо сказали:

— Может, не придёт уже.

Она посмотрела так, что слова закончились быстрее, чем страх.

— Иди работай.

Но мысль осталась: «Не придёт». Не потому что не хочет. Потому что не может. И вот это было хуже всего. Потому что неизвестность начинает гнить внутри.

На четвертые сутки стало ясно — сверху не удержать. Слишком много людей. Слишком мало рук.

Кто-то говорил — уходить. Кто-то — ждать. Кто-то — держаться.

Булка стояла у стены, вся в чужой крови, с тяжёлым дыханием и пониманием, что никто не придет вовремя.

— В подвал.

И это прозвучало не как предложение. Как факт.

Они спустились, таща всё, что могли: ящики, воду, медикаменты, еду, инструменты. Двери закрыли. Завалили. И только тогда стало тихо.

Не спокойно. Тихо. Та тишина, в которой слышно, как люди дышат.

— Это вирус, — сказала она тогда, сидя на ящике.

Кто-то поднял голову.

— Не такой, как мы знаем. Но это не мистика.

— А если не поймём?

Она посмотрела спокойно.

— Значит, разберёмся на ходу.

И этого оказалось достаточно. Потому что иногда людям не нужна надежда. Им нужен кто-то, кто не дрожит.

Они сидели в подвале — дни. Слушали, как мир наверху снимает маску.

И где-то между этими днями внутри неё что-то переключилось. Не память. Не разум. Право на прошлое.

Она поняла: если продолжит держать внутри Дениса, старую жизнь, голоса, запахи — всё то, что было нормальным — она просто сломается. Не от укуса. От перегруза.

Она не забыла. Она запретила себе помнить.

Если мысль приходила — отодвигала её. Если всплывал голос — глушила работой. Если внутри появлялось «а вдруг» — смотрела на раны, на время, на глаза.

Она выбрала цель. Потому что цель проще боли.

На восьмой день они вышли. Не все. И те, кто вышли, уже были другими.

Первого она убила сама. Молча. В голову.

И после этого стало проще. Не легче. Проще.

Когда всё закрепили, когда выжившие перестали ждать помощи и начали жить сами, Булка уже была другой.

Кто-то сказал бы — холодной. Кто-то — сильной.

На самом деле она просто перестала трогать то, что могло её сломать.

— Мы остаёмся, — сказала она.

И никто не спорил. Потому что выбора уже не было.

— Лечим тех, кого можно. Изучаем тех, кого нельзя. Ищем способ остановить.

— А если не найдём?

Она посмотрела спокойно.

— Значит, будем искать дольше.

И в этот момент её приняли. Не словами. Фактом.

Потом к больнице начали приходить: по одному, по двое, редко — группами.

Она брала не всех. Именно поэтому они выжили.

Постепенно место стало нужным. Не безопасным. Нужным.

Булка принимала всё. И запоминала. Потому что долги — это тоже ресурс.

А Дениса она больше не ждала. Не потому что перестала. Потому что не позволяла себе.

И именно это сохранило ей разум.

Глава 4.2: *Не вовремя*

4 неделя хаоса

Денис шёл к больнице не быстро и не медленно, а с той выверенной, почти математической скоростью, которая позволяет одновременно не привлекать лишнего внимания и не тратить ресурс, которого и так осталось подозрительно мало. И если бы его попросили сформулировать, что именно он делает, он бы, вероятно, сказал что-то вроде: «Оптимизирую вероятность дожить до следующего поворота», — хотя на деле всё сводилось к более простой, почти примитивной конструкции — идти, пока есть куда.

Он давно перестал воспринимать путь как расстояние: теперь это была цепочка решений, каждое из которых либо сокращало его существование, либо, с некоторой долей везения, продлевало. И самым неприятным было то, что ни одно из этих решений не гарантировало результата, потому что мир окончательно утратил привычную связь между действием и следствием.

Он устал, но не так, как устают после смены или дороги, а глубже — там, где раньше находились смыслы, привычки, ожидания, всё то, что позволяло человеку не задаваться вопросом «зачем», потому что ответ был встроен в саму жизнь. А теперь вместо этого оставалась одна-единственная линия — дойти, увидеть, убедиться, и, если очень повезёт, не умереть в процессе.

На плече висел дробовик, во внутреннем кармане лежала фотография. И он уже несколько раз ловил себя на мысли, что эта комбинация выглядит почти абсурдно: инструмент выживания и доказательство того, ради чего это выживание вообще имеет смысл. И, возможно, именно этот абсурд и удерживал его от окончательного распада, потому что если убрать одно из двух, система перестаёт работать.

Город выглядел не разрушенным, а брошенным на середине фразы, как будто кто-то начал говорить, но не договорил. И теперь слова лежали повсюду: в открытых дверях, в брошенных машинах, в разбитых витринах, в следах, которые никуда не вели, — и в воздухе, который пах старым дымом, пылью и тем сладковатым, от которого уже невозможно было избавиться, даже если закрыть глаза и сделать вид, что ты всё ещё где-то «до».

Он не реагировал на крики, не поворачивал голову на движение, не ускорял шаг, когда где-то что-то рушилось. И это не было жестокостью в привычном смысле — это было вынужденным упрощением, потому что если попытаться помочь всем, ты не сможешь никому, включая себя. А если не сможешь себе — всё остальное теряет смысл быстрее, чем ты успеешь это осознать.

Поворот, двор, перевёрнутая машина, пауза, вдох — и привычное уже действие: слушать не звук, а его отсутствие, потому что именно в паузах теперь пряталось то, что убивает.

И всё равно — поздно.

Они вышли сразу, как будто действительно ждали именно его. И это было самым неприятным, потому что в такие моменты создаётся иллюзия, что ты — центр происходящего, хотя на деле ты просто очередная переменная в уравнении, которое давно вышло из-под контроля.

Один, второй, третий — движение, не требующее координации, только направления.

Он отступил на шаг, почти автоматически, не формулируя это как решение, выстрелил, не задумываясь о точности, потому что точность здесь измерялась не попаданием, а тем, успеешь ли ты сделать следующий шаг. Дробь вошла в лицо ближайшего, и лицо исчезло — не драматично, не «как в кино», а просто перестало существовать как структура. И это почему-то всегда казалось ему самым точным определением происходящего — исчезновение структуры.

Второй вцепился в первого, третий налетел на них, и на долю секунды возникла путаница — та самая короткая ошибка в системе, которая даёт возможность выйти. И он вышел: сместившись в сторону, ударив прикладом, вывернувшись из хватки, выстрелив почти в упор, не целясь, потому что целиться — это время, а время здесь было самой дорогой валютой.

Один из них всё же зацепил рукав, зубы щёлкнули рядом с кожей. И в этот момент, очень короткий, почти незаметный, у него в голове проскочила мысль, удивительно спокойная: «Вот сейчас, возможно, закончится». И, как ни странно, в этой мысли не было паники — только констатация.

Он вырвался, ударил, выстрелил — и мысль оборвалась так же быстро, как появилась.

Тишина вернулась резко, как будто кто-то выключил звук. И это было всегда хуже, чем шум, потому что тишина оставляла тебя один на один с тем, что ты только что сделал.

Он стоял, тяжело дыша, опираясь на стену, и впервые за последние часы позволил себе не движение, а паузу.

— Опоздал... — сказал он вслух, и это прозвучало не как вывод, а как попытка объяснить происходящее так, чтобы оно перестало быть хаотичным. Не на час. Не на день. На что-то большее.

И если попытаться разложить это логически, если попытаться представить, что существует момент, после которого вероятность «успеть» стремится к нулю, то, возможно, этот момент он уже прошёл, просто не заметил, потому что был занят более мелкими задачами: выжить, дойти, не умереть раньше времени.

Он вытер лицо, проверил патроны. И этот жест, почти ритуальный, вернул его в движение, потому что стоять и анализировать здесь означало дать миру ещё одну возможность закончить начатое.

Больница появилась не сразу: сначала забор, потом ворота, потом окна. И по тому, как всё это выглядело, стало ясно, что здесь не просто пережили первые дни — здесь уже выстроили систему, пусть кривую, пусть жёсткую, но работающую. А любая работающая система в этом мире начиналась с одного простого правила: внутрь не пускать лишних.

Он остановился в тени машины, дал глазам привыкнуть, дыханию выровняться, и только потом сделал шаг вперёд, уже понимая, что сейчас будет не разговор, а проверка.

Щелчок. Чёткий. Сверху.

Он поднял голову, увидел силуэт, оружие — и самое неприятное: отсутствие реакции, которая была бы направлена на него как на конкретного человека.

— Свои... — сказал он тихо, и сам понял, что это слово здесь уже ничего не значит.

Второй щелчок. Другой угол.

Он сделал ещё шаг — не потому что верил, а потому что нужно было проверить до конца, иначе мысль «а вдруг» останется и будет гнить внутри.

Выстрел ударил в асфальт рядом с ногой. Без слов. Без предупреждения. Как точка.

И в этот момент всё сложилось. Если бы она была там, если бы она увидела, если бы узнала — система дала бы сбой, хотя бы на секунду, хотя бы на уровне интонации, хотя бы в виде слова. И этого слова не было.

Значит, либо её нет. Либо...

Он не стал заканчивать мысль, потому что некоторые выводы лучше не формулировать до конца, если хочешь сохранить возможность двигаться дальше.

Он медленно выдохнул, сделал шаг назад, потом ещё. И второй выстрел лёг уже дальше — не как угроза, а как инструкция: «Уходи».

— Понял... — сказал он, и в этом «понял» было больше, чем в любом объяснении.

Он развернулся и пошёл — не ускоряясь, не оборачиваясь, потому что оборачиваются те, кто всё ещё надеется. А он в этот момент занимался другим: он искал внутри себя формулировку, которая позволила бы не сломаться от простого факта — его не узнали. Или сделали вид.

И если рассматривать это с точки зрения выживания, то всё происходящее было логично, даже правильно: система защищает себя, не пускает неизвестное, минимизирует риск. И он сам, оказавшись внутри, вероятно, сделал бы то же самое.

Эта мысль была удобной. Рациональной. Почти спасительной. И именно поэтому он за неё зацепился. Потому что если принять, что дело не в системе, а в человеке, то дальше идти становится сложнее.

Но где-то глубже, там, куда он старательно не смотрел, оставалось другое: она могла быть там. И она могла его увидеть. И она могла не позвать. И это уже не объяснялось логикой. И именно поэтому он не стал это объяснять.

Просто пошёл дальше. Потому что движение — это единственное оправдание, которое в этом мире всё ещё работает.

Глава 4.3: *Не вспомнить*

4 неделя хаоса

В это же время, за стеклом второго этажа, в тени, где свет не добирался до лица, стояла Оксана.

Она смотрела на него долго — не как на чужого, и не как на своего, а как на выбор.
— Это же... — тихо сказал кто-то рядом. — Водила со скорой, с тобой работал.

Она не повернула головы.

— Вижу.

Голос ровный, слишком ровный.

— Может, впустить?

Пауза.

Она смотрела, как он поднимает голову, как стоит после выстрела, как не делает лишних движений, как понимает. И внутри, очень глубоко, что-то дёрнулось — слишком быстро, чтобы стать мыслью, слишком слабо, чтобы стать решением.

— Нет.

Просто. Без объяснений.

— Но он же...

Она повернулась медленно, и в этом взгляде уже не было места вопросам. — Не убивать.

Пауза.

— Отогнать.

Щелчок. Выстрел.

Она не отводила взгляд, смотрела, как он останавливается, как понимает, как уходит — не бежит, не просит, не пытается, просто принимает. И именно это ударило сильнее всего: он не ждал. И она это поняла. И именно поэтому не позвала.

Когда он исчез за машинами, она моргнула — один раз, медленно. И этого хватило, чтобы внутри на секунду всплыло: не воспоминание, не боль — что-то между, то, что нельзя трогать.

— Следить за периметром.

— Да.

— Никого не подпускать.

Она отошла от окна, как будто ничего не произошло, как будто это был просто ещё один человек.

Но где-то внутри, там, куда она уже не заходила, осталось понимание: она его узнала и не остановила. Потому что иначе пришлось бы вспомнить. А это — опаснее всего.

Она спустилась вниз не сразу. Сначала остановилась у раковины, включила воду и смотрела, как струя разбивается о металл, — как будто проверяла, осталась ли ещё хоть какая-то постоянная вещь в этом мире. И только потом подставила руки, смывая то, чего на коже уже не было, но что всё равно ощущалось — как фантом, как след, который не стирается механически.

Руки чистые.

Всегда.

Именно поэтому ими можно делать всё.

— Следующий где? — спросила она, не оборачиваясь. — Внизу, в изоляторе. Укус, предплечье. Четыре часа.

Она кивнула.

— Жив?

— Пока да.

— Значит, успеем посмотреть.

Она вытерла руки, не спеша, как будто между действием и следующим шагом должна быть пауза — и эта пауза не для отдыха, а для отсеечения лишнего. Лишнее — это всё, что не относится к задаче: голоса — лишнее, лица — лишнее, имя — лишнее.

Она спустилась в подвал, и запах встретил её раньше, чем дверь — плотный, тёплый, сладковатый, тот самый, который меняется по мере того, как процесс идёт дальше. И если уметь слушать носом, можно понять стадию быстрее, чем по словам.

— Когда? — спросила она, подходя к столу.

— Четыре часа назад, может, пять.

— Температура?

— Тридцать девять.

— Пульс?

— Скачет.

— Судороги были?

— Один раз.

Она кивнула.

— Фиксируйте.

Мужчина дёрнулся.

— Нет... нет, подождите, я сам...

Она даже не посмотрела на него сразу — сначала проверила рану: края воспалены, ткани уже начинают менять цвет, отёк, реакция идёт быстрее, чем в первые дни. — Поздно, — сказала она спокойно, как факт.

— Что поздно?! Я нормальный!

Она посмотрела. Долго. Не в лицо — в глаза.

— Пока.

Ремни затянулись, и в этом движении не было жестокости — только необходимость. Потому что тело, которое через минуту перестанет подчиняться, должно быть закреплено заранее, иначе потом придётся решать другие задачи, менее управляемые.

— Держите крепче.

— Держим.

— Ещё.

Она приготовила шприц, проверила ампулу на свет — как будто всё ещё была в том мире, где это имело значение, — и на секунду рука остановилась. Не из-за сомнения. Из-за сбоя. Очень короткого.

Где-то глубже, чем действие, всплыло движение — не картинка, не голос, а ощущение, что кто-то только что стоял напротив, смотрел так же, не дёргался, не просил. И это ощущение попыталось соединиться с чем-то ещё.

Она оборвала. Сразу. Без анализа.

Игла вошла точно.

— Что вы делаете... — голос уже ломался, уходил в панику. — Смотрю, — сказала она спокойно.

— На что?!

— На процесс.

Он закричал, тело напряглось, мышцы начали работать не синхронно, дыхание сбилось. И она сразу сместилась ближе, фиксируя взгляд на глазах, потому что именно там изменения приходят раньше, чем в движениях. — Записывай, — сказала она тихо.

— Давление растёт...

— Я вижу.

— Пульс...

— Я чувствую.

Тело выгнулось, ремни натянулись, кресло скрипнуло. И в этот момент, когда напряжение достигает точки, за которой начинается другое, она всегда ощущала одну и ту же вещь — границу. Не физическую. Функциональную. Где человек ещё есть, но уже не управляет.

— Сейчас, — сказала она почти шёпотом.

И в этот момент внутри снова дёрнулось. Тот же импульс. Сильнее. Как будто система попыталась достроить связь. Имя. Почти.

Она сжала челюсть. Глаза не отвела.

— Не сейчас, — тихо сказала она сама себе, но звучало это как команда.

Тело под ней дёрнулось, глаза изменились, фокус ушёл. И в этот момент всё стало на свои места.

— Есть, — сказала она. Спокойно. Чётко.

— Фиксируй.

Человек исчез. Осталось другое. И это другое было понятнее. Управляемое. Без истории.

Она выпрямилась, сняла перчатки, выбросила, надела новые, и только после этого позволила себе выдох.

— Следующий.

Голос ровный. Стабильный. Контроль восстановлен.

Когда она вышла обратно в коридор, свет казался слишком белым, почти агрессивным. И она на секунду остановилась, положив руку на стену, — не потому что устала, а потому что нужно было убедиться, что внутри снова пусто: без лишнего, без «кто это был», без «почему», без «а вдруг».

— Всё в порядке? — спросили рядом.

Она кивнула.

— Работайте.

Она пошла дальше, и каждый шаг возвращал её в ту систему, которую она сама построила — простую, жёсткую, без вариантов: лечить, если можно; фиксировать, если нельзя; не думать о том, что не влияет на результат.

Но где-то глубже, на уровне, который не поддавался прямому контролю, остался след. Не мысль. Не память. Сбой. Как будто организм запомнил контакт, но не смог его обработать. И именно этот сбой был самым опасным. Потому что он не исчезал. Он ждал. И если дать ему форму — он станет чем-то большим.

Она не собиралась давать. Поэтому просто работала. Сильнее. Точнее. Быстрее. Пока внутри снова не стало тихо. Пока имя не перестало почти звучать. Пока человек за окном не стал просто фактом.

И только тогда она окончательно перестала смотреть в ту сторону, где он исчез. Потому что если посмотреть ещё раз — можно увидеть. А если увидеть — придётся признать. А признание в этом мире — это уже ошибка. И ошибки здесь не исправляют. Их переживают. Если успевают.

Глава 5: После света

9 лет после — 21 мая, утро

Они вернулись под утро, не вместе и не одинаковыми, потому что такие вылазки никогда не заканчиваются одинаково, даже если все дошли. «Титан» встретил их привычным гулом металла, скрипом балок и редкими звуками жизни — той самой, что держится не потому, что есть смысл, а потому что уже не умеет останавливаться.

Ворота открылись медленно, тяжело, как будто и им было не по себе впускать обратно тех, кто видел то, что лучше не видеть, и так же медленно закрылись, отрезая снаружи ещё один кусок мира, в котором теперь стало на одну неправильную вещь больше.

Валёк шёл первым, молча, не оглядываясь. Грязь на одежде уже высохла и трескалась при каждом движении, на рукаве темнело пятно — не его, но уже привычное, как будто чужая кровь со временем становится частью экипировки. Он не проверял, кто идёт сзади, потому что в этом мире это давно перестало быть вопросом: если кто-то не дошёл — значит, не дошёл, и с этим просто живут дальше.

Леся вошла последней — и это почувствовали все. Не по шагам, а по тишине. Двор, который жил своим шумом, разговорами, звоном металла и редкими вспышками смеха, на секунду притих, потому что с её появлением либо начинали говорить по делу, либо переставали гово-

рить вообще. Сегодня перестали. Кто-то чистил оружие, разбирая его прямо на ящиках, кто-то считал провизию, словно цифры могли дать ощущение контроля, кто-то просто сидел, глядя в пустоту — потому что иногда это единственное, что остаётся, если ты пережил ещё одну ночь и не понял, зачем.

— Вернулись... — тихо сказал Костя, не поднимая головы. — Вижу, — спокойно ответил Валёк.

Пауза повисла короткая, но весомая.

— Потерь?

— Нет.

Костя кивнул — и это было почти событие, настолько редкое, что даже те, кто стоял рядом, на секунду отвлеклись: такие ответы здесь уже не воспринимались как норма, а как временная удача.

Леся не остановилась. Она шла внутрь — прямо, без задержек, как будто любое замедление заставит её начать думать, а думать сейчас было опасно. Слишком.

Внутри пахло металлом, гарью, потом — и чем-то ещё, еле уловимым, чужим, как будто они принесли это с собой, и оно уже начало оседать в воздухе.

Комната собраний встретила их так же, как всегда: стол, карты, жёсткий свет ламп и ощущение, что любое слово здесь рано или поздно превращается в действие. Собрались быстро, без команды — просто потому что понимали. Валёк, Вася, Базич, Фрея — каждый на своём месте, каждый со своим молчанием.

Леся осталась стоять — и это сразу стало сигналом. — Говори.

Валёк выдохнул, провёл рукой по лицу.

— Это не мародёры.

Пауза.

— И не военные.

Он чуть усмехнулся.

— Уже нет.

Тишина стала плотнее.

— Внутри работают.

— Над чем? — тихо спросила Фрея, закуривая.

Дым лёг в воздух, смешиваясь с запахами, и стало как-то теснее. Валёк посмотрел на неё.

— Над людьми.

Пауза.

— Но не так, как раньше.

Вася нахмурился.

— Заражённые?

— Хуже.

Слово легло тяжело.

— Они не дают им умереть, — продолжил Валёк, — и не дают остаться людьми. Кто-то тихо выругался. Базич сжал кулаки так, что побелели костяшки. — Я видел, — добавил Валёк, — его как будто собирали заново.

Леся смотрела в стол — слишком спокойно.

— И свет, — вставил Вася, — синий... не техника, не лампа, я такого не видел. Она подняла взгляд.

— И не увидишь.

Пауза.

— Потому что туда мы больше не идём.

Короткая пауза.

— Пока.

Это «пока» услышали все — и запомнили.

Фрея выдохнула дым.

— Это не одна точка.

— Нет, — спокойно ответила Леся, — такие вещи либо система, либо попытка её собрать.

Валёк усмехнулся.

— Мир сдох, а кто-то решил его улучшить. — Люди всегда это делают, — ответила она, — и каждый раз становится хуже.

Тишина затянулась — та самая, в которой принимают решения. — С этого момента, — сказала Леся, и голос стал холоднее, — всё, что связано с лабораториями, военными без знаков и синим светом — угроза уровня «уничтожить». Пауза.

— Без контакта.

— Без переговоров.

— Без попыток понять.

Она посмотрела на каждого.

— Кто начнёт думать — умрёт.

Просто. Чётко. И понятно.

— Есть ещё, — тихо сказал Вася.

И это сразу изменило воздух.

— Ловил эфир... обрывки, юг, двести пятьдесят шестой регион. Леся нахмурилась.

— И?

— Там тоже кто-то работает с такими местами. Пауза.

— Есть человек.

— Имя?

— Кличка.

Он замялся на секунду.

— Панк.

Тишина стала другой — более холодной.

— Что про него? — спросил Валёк.

— Быстрый, не светится, живёт слишком долго для одиночки. Это было плохо. Очень. Леся кивнула медленно.

— Значит, не одиночка.

Она подошла к карте, провела пальцем по региону — далеко, но уже недостаточно. — Пока нас это не касается.

Голос сказал одно. Глаза — другое.

— Но если он ищет то же...

Пауза.

— Мы пересечёмся.

И тогда «пока» закончится.

Валёк посмотрел на неё.

— И что будем делать?

Она усмехнулась — слабо, опасно.

— То, что всегда.

Пауза.

— Выживать.

И тише:

— И резать всё, что мешает.

Снаружи снова заскрипел металл, кто-то засмеялся, кто-то выругался — жизнь продолжалась, кривая, странная, но своя. А внутри уже понимали: после того света мир стал другим — ещё раз. И в этот раз — хуже.

А где-то далеко человек по кличке Панк уже шёл по следу. И, возможно, уже знал, куда он ведёт.

Глава 6: Там, где тихо

3 неделя хаоса

Полумрак здесь не скрывал — он давил, медленно, вязко, как если бы воздух стал плотнее и начал ложиться на плечи, на спину, на затылок, не давая полностью выпрямиться. В этом было что-то почти физическое: тишина больше не означала отсутствие угрозы, она означала её присутствие в скрытом виде — как пауза между ударами, и именно в этих паузах чаще всего всё и происходило.

Оксана двигалась медленно, но не из осторожности в привычном смысле. Её тело давно перестроилось под этот ритм, где любое лишнее движение — сигнал, любой звук — приглашение. Спешка в таких местах не ускоряет — сокращает путь, причём сразу до конца. Поэтому она шла так, как ходят те, кто привык оставаться незамеченным даже тогда, когда вокруг никого нет.

Мыши не бегают просто так.

Мыши выживают.

Клуб встретил её запахом, который не был единым — распадался на слои: старый алкоголь, впитавшийся в дерево и ткань; затхлая сырость, поднимающаяся из пола; что-то сладковатое, густое, липкое — как будто разложение здесь шло медленнее, но глубже. В этом было ощущение, что само место не отпустило прошлое, а удерживает его, перерабатывая в нечто другое.

Когда-то здесь было громко. Память об этом не исчезла — осталась в пространстве: в геометрии помещения, в сцене, в колонках, которые больше не работали, но всё ещё стояли, как будто ждали команды. Если закрыть глаза, можно было почти услышать, как бас бьёт в грудь, как люди кричат, смеются, двигаются, прячутся друг от друга за шумом. И именно это ощущение было самым чужим сейчас: тогда это казалось жизнью, а теперь выглядело как репетиция чего-то, что так и не случилось.

Теперь здесь было честно.

Пусто.

И это было ближе к правде.

Она остановилась у треснувшего зеркала — не потому что хотела посмотреть, а потому что отражение — это тоже информация, а в этом мире любую информацию нужно проверять, даже если она о тебе. Лицо стало другим: не сильно, но достаточно, чтобы не спутать с тем, что было раньше. Кожа потемнела, линии стали жёстче, взгляд — собраннее, как у человека, который больше не позволяет себе рассеиваться.

— Ну здравствуй... — тихо сказала она, и голос прозвучал так, будто им давно не пользовались для разговоров, только для коротких, необходимых команд.

Пальцы коснулись стекла — пыль сдвинулась тонким слоем, под которым на секунду проступила чистая поверхность. Это движение показалось слишком живым, как будто предмет отреагировал. Хотя она знала: это просто остатки статики, просто её собственное восприятие, которое в таких местах начинает работать иначе.

Её называли Мышью не потому, что она была слабой. А потому что её не замечали: сначала случайно, потом постоянно, потом уже намеренно не искали. И именно в этот момент она становилась опасной.

Она не любила людей. И люди не любили её. И это было честно. Апокалипсис убрал лишнее: теперь страх стал общим, а значит — привычным. В этой общей панике она чувствовала себя спокойнее, чем большинство, потому что для неё граница между «нормально» и «опасно» всегда была размыта. Просто раньше это называли странностью, а теперь — навыком.

Она прошла глубже: корпус чуть наклонён вперёд, центр тяжести смещён, шаги мягкие, с перекатом — чтобы не создавать резких точек давления на поверхность. Она слушала не звуки, а их отсутствие, потому что именно в пустоте между ними легче всего уловить движение.

Где-то в глубине что-то упало — глухо, тяжело, без продолжения. Она замерла, считала: раз, два, три. Ничего. Значит, либо далеко, либо уже не реагирует. Она двинулась дальше.

Гримёрка была разграблена, но не полностью — что-то осталось, как это часто бывает в спешке. Зеркала покрылись налётом, кисти засохли, на столах остались пятна, которые уже не смыть. Сцена впереди покрылась тонким слоем плесени, и под ней тянуло холодом — не физическим, а каким-то внутренним, как будто под полом что-то изменилось. Но это не было её целью.

Она не искала еду. Не искала воду. Не искала укрытие. Она искала подтверждение — что он жив.

Имя пришло само: Саня. Она остановилась, и внутри что-то резко сжалось — не боль, не страх, а реакция, которую тело выдало раньше, чем разум успел её отфильтровать.

Он был странный: слишком увлечённый, слишком внимательный, слишком... свой. Он говорил, что всё можно объяснить — любую реакцию, любую трансформацию, любую смерть — как процесс, как переход из одного состояния в другое. Она не спорила: ей не нужно было понимать, ей достаточно было видеть, как он работает, как его руки двигаются, как он смотрит на результат. В этом взгляде было что-то, что не оставляло сомнений.

Она воровала для него реактивы — аккуратно, без следов, так, как умеет тот, кого не замечают. В этом было больше доверия, чем в словах. Он сказал однажды: — Мы переживём всё.

И она приняла это как факт. Не потому что это было логично, а потому что это сказал он.

Они потерялись в первые дни — без драмы, без криков, просто разошлись, как люди расходятся в толпе, уверенные, что встретятся через пару минут. И именно это было самым точным описанием происходящего: не трагедия, а несостыковка.

Она опустила на корточки, провела пальцами по полу — пыль легла неровно, под ней следы: старые, новые, пересекающиеся. Кто-то был здесь недавно, двигался осторожно, но не так, как она. Не он. Она бы почувствовала.

Она закрыла глаза на секунду — и в этой секунде появилось всё сразу: его руки, движение пальцев, взгляд, когда что-то получалось, и то, как он смотрел на неё — не оценивая, не сравнивая, а включая в систему.

Она резко открыла глаза:

— Ты жив...

Это не был вопрос. Это была установка. И в этой установке было упрямство, которое держит человека дольше, чем любая логика.

Она встала, выровнялась — чуть-чуть, почти незаметно, потому что сила для неё не в мышцах, а в выносливости, в способности продолжать тогда, когда остальные уже остановились.

Сзади раздался звук — тихий, слишком тихий. Она не обернулась сразу: сначала анализ. Шаг. Смещение веса. Неровная координация. Задержка. — Поздно... — тихо сказала она. И только тогда повернулась.

Пустой стоял у входа: тело повреждено, один глаз отсутствует, второй открыт слишком широко — белёсый, без фокуса, но с направлением. В этом движении было что-то знакомое: не сознательное, а остаточное — как привычка стоять у двери. Он шагнул — медленно, но точно.

Она не ускорила. Рука скользнула к ножу — не резко, а так, как берут инструмент, который уже стал продолжением движения, без паузы между решением и действием. Когда он подошёл на дистанцию, она сместилась в сторону, корпус ушёл с линии, и

удар был коротким, направленным — туда, где структура ещё держится. Тело потеряло баланс сразу, как будто выключили опору. Он упал — без звука. И она даже не посмотрела. Потому что это уже не событие. Это фон.

Она вышла из клуба, и ночь встретила её холодом — не бодрила, а фиксировала, возвращала в тело, напоминала, что оно ещё работает. Город дышал тяжело, неровно: где-то горело, где-то кричали, где-то двигались — и всё это сливалось в один слой, в котором невозможно было выделить отдельное.

Она остановилась, посмотрела в темноту:

— Я найду тебя.

Тихо. Ровно. Пауза легла мягко.

— Даже если ты стал хуже этого мира.

И в этом не было страха — только упрямство и то, что она себе не позволяла называть.

Она не знала, что где-то в другом месте он уже ищет её — но не как человека, а как форму, как часть своей системы. Она не знала. И это сохраняло её — пока. Потому что знание здесь меняло не ситуацию, а человека. И не всегда в сторону, которую можно пережить.

Глава 6.1: То, что остаётся внутри

9 лет после — 10 марта

В кабинете было тихо — не потому, что здесь не было звуков, а потому что их здесь не выпускали за пределы формы. Они оставались внутри, оседали, распределялись, и эта тишина работала как давление — не разрушающее, а удерживающее, как рука на затылке, которая не даёт сорваться вперёд раньше, чем ты сам поймёшь, что именно хочешь сказать.

Люди приходили сюда не за ответами. За возможностью не развалиться, пока формулируешь вопрос.

Оксана сидела напротив — не записывая, не перебивая, не делая того, что в старом мире считалось работой. Она давно убрала всё лишнее, оставив только функцию: держать, не вмешиваясь раньше времени, и давать человеку самому дойти до того места, где уже невозможно врать.

Контейнер.

Слово, которое она не произносила, но использовала.

Хаммер сидел напротив: сторбившись, корпус закрыт, локти упираются в колени, пальцы сцеплены слишком сильно — как будто внутри них зажато что-то, что нельзя отпустить, потому что тогда придётся признать, что этого больше нет.

Он молчал. Долго. И это было нормально. Молчание — это не пауза. Это работа.

— Я нашёл её... — голос вышел не сразу: сначала как выдох, потом как слово. Между ними была пауза, в которой можно было отказаться. Он не отказался. — За периметром... многоэтажка, люди держатся, человек десять, может, больше. Окна заколочены, подъезд перекрыт, этажи поделены, дежурят, еду считают, воду экономят... — он усмехнулся коротко. — Система без системы.

Пауза. Он поднял глаза:

— И она там.

Слово «она» он не уточнил. Не нужно.

— Живая.

Он сказал это медленно, как будто проверял, не разрушится ли слово, если произнести его вслух. Оксана кивнула едва заметно — не как согласие, а как разрешение продолжать.

— Я сначала не поверил... Ну не может же так... среди всего этого... — он провёл рукой по лицу. — А она стоит... смотрит... — пауза. — Как раньше. — Ещё пауза. — Только...

Он не договорил. Оксана не помогла: если закончить за него — он не услышит.

— Как будто я опоздал, — тихо. — Хотя я и опоздал.

Фраза замкнулась, и в этом замыкании уже был смысл. — Её спасли... не я. — Голос стал ниже. — Какая-то группа... вытащили... пока я... — он кивнул в сторону стены. — Был здесь.

Не «выживал». Не «работал». Просто — был.

Оксана отметила: замена глагола — признак сдвига.

— Я начал приходить к ним... Сначала просто смотрел, потом принёс воду, потом медикаменты, потом топливо... Сначала не брали, потом начали брать, потом начали ждать. — Он замолчал, и в этой паузе было больше, чем в предыдущих словах. — И она тоже ждала.

Он не смотрел на неё — смотрел внутрь.

— Я не сказал Ведьме.

Фраза упала тяжело. Комната не изменилась, но воздух стал плотнее. — Потому что знаю, что будет. — Голос ровнее — рационализация включилась. — Она придёт, оценит: либо заберёт одного, либо никого. Если попробует всех — потянутся другие, система не выдержит. — Он кивнул сам себе. — Я это понимаю. — Быстро, слишком. — Я не идиот.

Защитная конструкция. Прямая.

— Но она там, — тише. — И она не хочет уходить.

Он усмехнулся сухо:

— Сказала, что они её спасли... не я... что она им должна... — пауза. — Что не бросит их.

Он поднял взгляд:

— А я ей тогда кто?

Вопрос прозвучал, но не был задан. Он уже знал — и именно поэтому не выдерживал. — Я боюсь, — тихо, без защиты. — Не за неё. — Он покачал головой. — За себя.

Оксана не изменилась, но внимание сместилось.

— Потому что если я остаюсь здесь... — он начал считать. — У меня есть стены... еда... оружие... люди... — пауза. — Я жив. — Коротко. — Завтра тоже. — Он сглотнул. — А если иду туда... — пауза. — Я не знаю.

И это было ядром. Не смерть. Не риск. Не она. Неопределённость. — И получается... — он сжал пальцы. — Если остаюсь — предаю её... если иду — предаю себя. — Пауза. — И я не понимаю, что хуже.

Тишина не давила — она держала. Оксана чуть наклонила голову, дала словам осесть. Не спешила: сейчас важно не ответить, а попасть.

— Ты уже выбрал, — сказала она спокойно.

Он поднял голову резко:

— Где?

— Когда начал ходить к ним. — Без давления. — Ты уже вышел за периметр, уже принял риск, уже стал частью их системы. — Пауза. — Просто пока возвращаешься обратно.

Он замер: секунда, две. Процесс пошёл.

— Это не выбор между ней и собой, — она смотрела ровно. — Это выбор — где ты будешь жить остаток времени. — Пауза, и тише: — И где умрёшь.

Он усмехнулся сухо:

— Отличный набор вариантов.

— Реальный. Без смягчения.

Пауза.

— Вопрос не в том, куда идти, — тише. — Вопрос в том, сможешь ли ты выдержать себя после решения.

Он опустил взгляд, молчал долго.

— А если нет? — почти шёпотом.

Она чуть пожала плечами:

— Тогда психика сделает это за тебя. — Пауза. — Отрежет. — Ещё тише. — Но цена будет выше.

Тишина снова легла — мягко, как стабилизация после скачка. Он выдохнул глубоко. — Ты никому не скажешь?

Она посмотрела на него ровно, без обещаний:

— Всё, что сказано здесь, остается здесь. Факт. Не защита.

Он кивнул. Плечи опустились — не облегчение, принятие.

Где-то снаружи скрипнул металл, кто-то крикнул, кто-то засмеялся — мир продолжал работать, ломано, но стабильно в своей нестабильности. А внутри решение уже было принято — не словами, а структурой.

...

Когда он ушёл, Оксана осталась сидеть — не двигаясь несколько секунд, проверяя: пусто ли? Почти. И в этом «почти» всплыло — не его лицо, другое. Саня. Не картинка, а состояние — как будто система попыталась восстановить связь.

Она моргнула — один раз, резко. И этого хватило, чтобы обрубить. Потому что она знала: если дать этому оформиться, если дать имени стать мыслью — контроль уйдёт. А без контроля она перестанет быть тем, чем стала. Контейнер не имеет права протекать. Иначе он больше не держит.

Она встала — ровно, спокойно — и вышла, как будто ничего не произошло. Хотя произошло всё. Просто не здесь. И не сейчас.

Глава 7: Вылазка за припасами

9 лет после — 26 мая

Валерий Анатольевич держал обрез не так, как держат оружие в кино или на показ, а так, как держат вещь, которая уже стала продолжением решения, не требующим подтверждения. В этом хвате не было ни напряжения, ни демонстрации — только привычка, доведённая до состояния, когда движение происходит раньше мысли, а мысль лишь подтверждает, что всё сделано правильно.

Когда-то его звали просто Валёк, и та жизнь, несмотря на весь её криминальный налёт, была удивительно упорядоченной, даже удобной. В ней существовали правила — не записанные, но соблюдаемые. Если ты их понимал, мог жить долго, иногда даже комфортно — если правильно распределял риски.

Тогда всё решалось быстрее, проще, чище. Деньги имели вес, слова имели цену, выстрел имел последствия. И, что важно, последствия были конечны: либо ты, либо тебя.

Он помнил их — пацанов, с которыми начинал: молодые, злые, с той самой уверенностью, которая берётся не из опыта, а из отсутствия понимания, как всё на

самом деле работает. Именно поэтому они шли вперёд без пауз, без анализа — потому что не знали, где нужно остановиться.

Гена по кличке Лысый — первый лез в любую драку, смеялся, когда ему разбивали лицо, и не понимал, что однажды кто-то не остановится. Пашка — тихий, считал деньги быстрее всех, но стрелял медленно, и это его в итоге и подвело. Серый — умный, слишком умный: пытался просчитать всех, но не учёл одного — что иногда люди действуют без логики.

Они были системой. Плохой, грязной, но системой. И Валёк тогда уже понимал больше, чем они. Поэтому остался. Они — нет.

Он не чувствовал по этому поводу ничего, что можно было бы назвать сожалением, — только фиксировал факт: тогда выживал тот, кто думал на шаг дальше, сейчас — тот, кто думает быстрее.

Он перевёл взгляд на свою нынешнюю команду и усмехнулся едва заметно. Система осталась — просто изменилась форма.

Слева шёл Динамо — худой, напряжённый, с глазами человека, который привык искать неисправность в механизме и теперь делает то же самое с миром. Только механизм больше не поддаётся ремонту, и он это понимает, но всё равно продолжает искать слабое место — потому что иначе сойдёт с ума.

Справа — Света: движения точные, лишнего нет, экономия усилий, как у хирурга, который знает, где можно резать, а где нельзя. В этом была ценность: в отличие от старой братвы, здесь не было тех, кто действует «на эмоции» — здесь действовали те, кто дожил.

Сзади — новенькие: ещё не система, ещё не структура, но уже не хаос. Их страх был не проблемой, а ресурсом, потому что страх, если его правильно направить, делает человека внимательнее, а внимательность в этом мире стоит дороже силы.

Валёк поймал себя на мысли, что эта группа лучше — не сильнее, лучше. Потому что в ней не было лишнего: ни бравады, ни шума, ни желания доказать. Только функция. И это делало их опаснее.

Город вокруг не выглядел мёртвым — он выглядел забытым. Как будто его не уничтожили, а просто перестали обслуживать. Система, оставшаяся без поддержки, начала деградировать: сначала медленно, потом быстрее, пока не перешла в состояние, где любое вмешательство уже ничего не меняет.

Асфальт треснул, и в этих трещинах уже пошла трава — не зелёная, а тёмная, жёсткая, как будто адаптировалась к новому составу почвы, пропитанной маслом, кровью и тем, что раньше называлось отходами, а теперь стало частью среды. Машины стояли, как оставленные решения: некоторые с открытыми дверями, у некоторых стекло было выбито изнутри — и по этому можно было понять, как именно человек пытался выбраться, и не всегда успешно.

Запах был сложный: старое топливо, металл, гниль и что-то ещё, более глубокое — как будто сам город начал перерабатывать себя, превращаясь во что-то новое.

Валёк поднял руку — группа остановилась сразу, без лишних вопросов. Это было правильно. Он прислушался, но не к звукам — к паузам.

Металл скрипнул — старый, без давления. Где-то далеко тянулся звук — не вой, не крик, что-то промежуточное, как если бы связки работали неправильно. Мусор сдвинулся — один раз. Потом тишина. И вот в этой тишине было главное: наличие.

Он медленно опустил руку:

— Двигаемся, — тихо сказал он, — без лишнего.

Голос не давил, но не оставлял выбора. Они пошли дальше — медленно, точно.

Склад начал проявляться впереди не сразу: сначала силуэт, потом геометрия, потом детали — проваленные окна, ржавчина, потёки. И главное — ворота, закрытые не до конца, но и не открытые, как будто кто-то оставил их в положении, которое позволяет контролировать вход.

— Не нравится мне это, — тихо сказал Динамо.

— И правильно, — ответил Валёк, не оборачиваясь. Пауза. — Значит, живой.

Света чуть сместилась ближе к стене:

— Следы есть.

— Вижу.

Он уже видел: грязь у входа была нарушена не хаотично, а направленно. Кто-то проходил, не один, с нагрузкой, и делал это не впервые.

— Тут не только мёртвые, — сказал один из новеньких. — Мёртвые так не ходят, — спокойно ответил Валёк.

И внутри уже собиралось то самое состояние — не страх, не азарт, а работа. Он взвёл курок обреза: звук лёг в пространство чётко, слишком чётко. И это ему не понравилось, потому что здесь звук — это сигнал, а сигнал — это реакция. И реакция уже шла.

Он почувствовал сразу: как меняется воздух, как появляется напряжение — как будто кто-то с той стороны тоже услышал и сейчас делает то же самое: считает, оценивает, решает.

Валёк усмехнулся едва заметно:

— Ну что... — тихо. — Посмотрим, кто тут считает быстрее.

И в этот момент он уже знал: это не просто склад. Это точка, где кто-то выстроил свою систему. И сейчас две системы сойдутся. И вопрос будет не в том, кто сильнее, а в том, кто ошибётся первым. Потому что в этом мире ошибки больше не исправляют.

Глава 8: Доставка

месяц хаоса

Москва не умерла — она просто перестала делать вид, что живёт для людей. Это стало заметно не сразу, а через мелочи: сначала перестали гореть окна в домах, потом исчезли звуки телевизоров, потом пропали машины с привычным утренним рёвом. И только после этого стало понятно: город не остановился, он просто вышел из режима, в котором человек был центром, и теперь существовал сам по себе — тяжело, неровно, но устойчиво, как система, которая больше не требует пользователя.

Тишина здесь была не пустой — она была слоистой. Если прислушаться, можно было различить, как она работает: где-то далеко хлопает дверь, но без продолжения; где-то падает металл, но никто не реагирует; ветер гоняет мусор по асфальту, и этот звук цепляется за стены, возвращается обратно — как будто город сам с собой разговаривает, но без смысла.

Диана сидела в кабинете химии — месте, которое перестало быть кабинетом в тот момент, когда его начали использовать по назначению, не учебному, а реальному. Теперь это было пространство, где она собирала мир обратно: не полностью, не правильно, но настолько, насколько могла. В этом была своя логика: если система не работает — значит, её нужно заставить работать кусками.

Стеллажи с книгами она не трогала: бумага впитывает влагу, коробится, но держит форму дольше, чем пластик — и в этом есть плюс, если правильно использовать. Учебники она сложила слоями — не как баррикаду, а как буфер: звук гасится не стенами, а плотностью. Это знание пришло не из теории, а из практики.

На столе лежали три телефона — каждый из которых уже пережил свою смерть и работал не потому, что должен, а потому что она заставила. Рядом — разобранный ноутбук, в котором половина шлейфов заменена на то, что вообще не должно проводить сигнал; солнечная панель, закреплённая под углом, который она вычисляла не по формуле, а по ощущению; антенна, собранная из обрезков провода, трубок и какой-то хрени, которую раньше выбросили бы не глядя.

— Ну давай, не тупи... — пробормотала она, чуть смещая антенну на долю миллиметра.

Сигнал в таких условиях не ловят — его выжимают, вытаскивают из шума, как занозу. Каждая попытка — это не «поймал/не поймал», а серия микродвижений, в которых ты сам становишься частью системы, подстраиваешься под неё, ловишь не волну, а момент.

Три ночи она сидела так, почти не двигаясь — только пальцы, только глаза, только редкие выдохи, когда очередная попытка уходила в ноль. На четвёртую ночь экран дёрнулся — не как сигнал, а как сбой. И именно это было правильным признаком.

— О, пошло... — тихо сказала она, наклоняясь ближе.

Значок сети вспыхнул, исчез, снова появился. В этом не было стабильности, но была жизнь — а в этом мире это уже достаточно.

Она не радовалась — она ускорила. Открыла страницу: загрузка шла рывками, как будто серверы где-то далеко тоже работали на остатках. И сама мысль о том, что где-то ещё есть «серверы», уже звучала как что-то из прошлого, которое не должно было дожить.

И всё же... оно работало.

Она ввела запрос — медленно, не потому что сомневалась, а потому что хотела почувствовать сам процесс, как будто проверяла, не исчез ли он вместе со всем остальным.

Загрузка.

Пауза.

Ответ.

Товар в наличии.

Она смотрела на экран дольше, чем нужно, не доверяя. В этом мире «в наличии» давно перестало что-то значить, но кнопка была, интерфейс был, логика была. — Да ну нафиг... — выдохнула она.

Пальцы нажали быстрее, чем мысль успела догнать. Оплата прошла — хотя не должна. Подтверждение появилось — хотя не должно было. И именно это было самым неправильным: система работала. Без людей. Без объяснений.

Она откинулась на спинку стула, закрыла глаза. На секунду внутри стало странно легко — как будто кто-то вернул кусок старого мира, не спрашивая, нужен он или нет. — Ну если ещё и доставка будет... — усмехнулась она тихо. Пауза. — Хотя давай, удиви.

На следующий день Москва выглядела иначе — с высоты это было видно лучше. Она стояла на крыше, и город под ней не был разрушенным в классическом смысле. Он был расслаивающимся: районы жили по-разному. Где-то уже всё заросло, где-то ещё держались остатки людей, где-то горели здания — но не ярко, а тлея, как уголь, который никто не тушит.

Пустые двигались вниз не как толпа, а как система без центра. Они не бежали, не искали — они перераспределялись, занимали пространство. И в этом была логика, которая пугала больше, чем агрессия.

Она смотрела на небо — долго, не потому что ждала, а потому что хотела проверить, есть ли там ещё что-то, кроме пустоты. Сначала ничего. Потом — точка. Слишком ровная. Слишком стабильная.

— Да ладно...

Точка не дёргалась, не падала, не меняла траекторию хаотично — она шла по линии, как будто у неё всё ещё есть маршрут. И это было самым странным.

Дрон приблизился, и стало слышно звук — не жужжание, а ровный, почти чистый гул, как у исправной техники, которая не знает, что мир сломался. Он завис перед ней — без пафоса, без ошибки, как будто всё так и должно быть.

Отсек открылся. Механизм сработал идеально — без задержек, без скрипа. Внутри лежала коробка: обычная, та самая, которую раньше даже не запоминали.

Она взяла её. Пальцы сжались чуть сильнее, чем нужно. Тёплая — солнце прогрело. И от этого внутри что-то неприятно сдвинулось, потому что тепло — это жизнь, а жизнь здесь долго не держится.

— Ну хоть кто-то не забил... — тихо сказала она.

Она не открыла её сразу — не потому что боялась, а потому что понимала: вещи из прошлого — это не вещи, это триггеры. И если открыть — придётся вспомнить. А воспоминания — это слабость.

Она убрала коробку в рюкзак — аккуратно, как будто фиксировала не предмет, а состояние. И только потом снова посмотрела на город: — Значит, ты ещё дышишь... — тихо, почти с интересом. — Или кто-то дышит за тебя. Пауза легла мягко. Но внутри уже было другое — не

пустота, не страх, а вопрос. И в этом мире вопрос — это всегда начало проблемы. Потому что если система работает, значит, у неё есть центр. А если есть центр, значит, его можно найти. И это уже не про выживание — это про вмешательство.

Она стояла на крыше ещё немного — пока ветер не стал холоднее, пока город не стал снова просто фоном. И только тогда развернулась. Потому что теперь у неё появилась не цель, а направление. А это всегда хуже — потому что направление ведёт, а не даёт стоять.

Глава 8.1: Огонь, который остаётся неделя хаоса

Москва в эти дни ещё делала вид, что держится, но уже срывалась в мелочах: лампы мигали дольше, чем нужно, вода шла с перебоями, лифты застревали между этажами. И никто уже не пытался звонить в службы — потому что службы отвечали голосами, в которых не было ни решения, ни понимания, только скрипящая вежливость, которая больше не работала.

Диана сидела за столом, поджав ногу. Экран светил слишком ярко, как будто пытался компенсировать то, что происходило за его пределами. Она держалась за него не потому, что верила информации, а потому что это был последний привычный интерфейс между ней и миром — тот, что ещё можно было листать, обновлять, проверять, как будто всё это ещё под-даётся контролю.

Часы показывали три с чем-то, но время уже потеряло структуру: ночь перестала быть отдыхом, день — действием. Всё слиплось в один длинный промежуток, в котором усталость перестала ощущаться отдельно и просто стала состоянием по умолчанию.

Новости повторялись, менялись только формулировки. Лица оставались те же — уверенные, ровные, слишком аккуратные для происходящего, и это раздражало сильнее, чем страх. «Контролируем», «Локализовано», «Не поддавайтесь панике».

Она усмехнулась коротко:

— Да вы уже сами не верите...

Чаты жили своей жизнью — хаотичной, рваной. Сообщения налетали друг на друга: кто-то писал про соседей, кто-то — про улицу, кто-то выкладывал видео, где люди двигались не так, как должны. И в этих видео было главное — отсутствие реакции на боль, на голос, на удары.

Она листала быстро, почти механически, не вчитываясь до конца. Потому что смысл был не в информации. Смысл был в процессе. Пока листаешь — ты внутри. Пока внутри — ты не один. Остановишься — останешься с собой. А это сейчас было опаснее.

Родители были дома. Она это знала не логикой, а телом — тем фоновым ощущением, которое есть у человека, когда за стеной кто-то свой. И именно это ощущение держало, как якорь: глупый, детский, но работающий.

Снизу ударило. Глухо. Не как падение — как движение. Она услышала, но не приняла. Просто усилила звук в наушниках. Музыка закрыла всё. И это было решением. Плохим. Но решением.

Запах пришёл позже — не сразу. Сначала как фон: тонкий, чужой. Она нахмурилась, но не отвлеклась. Пока не стало плотнее. Горло сжалось. Глаза начали реагировать. Она сняла наушники — и мир ударил сразу, без перехода: крик снизу, грохот, треск, воздух, который уже не воздух.

Она вскочила резко — слишком резко. Сердце ударило так, что стало больно. И в этот момент пришло понимание — не мыслью, а телом: огонь.

Она рванулась к окну, распахнула. И только потом, через секунду, которая потом будет возвращаться снова и снова, она поймёт, что сделала: поток воздуха пошёл внутрь, и огонь получил тягу — резкую, сильную, правильную.

Она отшатнулась. Но уже поздно. Дом ожил — но не как раньше, а как система разрушения.

Она бежала в коридор и сразу увидела: стены не горели, они двигались. Пламя шло по ним, как жидкость — поднимаясь вверх, перетекая, охватывая всё быстрее, чем можно было осознать.

Дверь в комнату родителей закрыта — изнутри. И звук: крик. Настоящий. Не фильм, не запись, не паника — боль. Чистая, без фильтра.

— Мам... — голос сломался сразу, стал тоньше, младше.

Она дёрнула ручку — кожа обожглась резко, как будто её не предупредили. Она отдёрнула руку, но не остановилась:

— Откройте!

Ответом был крик — хуже, глубже. И в какой-то момент она поняла: это не «помогите», это «слишком поздно».

Дверь пошла трещиной — сначала тонкой, потом шире — и вылетела с огнём, с воздухом, с давлением. И вместе с этим вышло тело — горящее,двигающееся. Голос ещё был, но уже не совпадал с тем, что она знала.

В этот момент внутри не осталось ничего — ни страха, ни логики. Только действие.

Одеяло. Она схватила его на автомате — так учили, так делают, так «правильно». Она кинулась вперёд, накрыла, давила руками, коленями, всем весом. Пламя шипело, сопротивлялось, потом начало сдавать. И вместе с этим движение под одеялом стало слабее, потом исчезло.

Она откинула ткань и остановилась — потому что там уже не было человека. Там был результат: чёрный, ломанный, без формы.

И мозг сразу начал защищаться:

— Это не она, — слишком быстро.

— Это уже не она, — снова.

— Это просто тело, — и ещё.

Но запах и остатки звука разрушали это. Снизу снова ударило — сильнее. Дом сдавался.

Она стояла секунду, может, две. И в эти секунды внутри родилось самое опасное — вина. Не мысль, а состояние: «Я открыла окно», «Я ускорила», «Если бы...». Она оборвала резко: — Беги.

Это уже было не внутри — это было решение. Она развернулась и побежала: через дым, через жар, через пространство, которое уже не было домом. Лестница плавилась, перила обжигали даже через ткань, кашель рвал грудь, глаза слезились. Но тело работало — потому что остановка = смерть.

Она не думала, не выбирала — просто двигалась. Выход. Дверь. Холод. Асфальт. Она вывалилась наружу, жадно вдыхая, как будто заново училась дышать.

Сзади дом горел — но не как картинка, а как факт, окончательный. Там не осталось ничего: ни вещей, ни голосов, ни возможности вернуться.

И вот тогда пришло — не сразу, но чётко: «Я их оставила», «Я не вернулась», «Я выбежала». Она встала резко, слишком резко, и побежала — не от дома, а от мысли. Потому что если остановиться, она догонит. А с ней не выживают.

Где-то между шагами, между вдохами, между болью в груди внутри произошло не громко, не сразу, но окончательно: слом, смещение, пересборка. Родилась не «сильная версия», не «выжившая». Родилась та, которая не будет прощать себе этот момент никогда. И именно это её и сохранит — пока не сломает окончательно.

Глава 8.2: 15 минут до огня неделя хаоса

Он сидел на кухне в полумраке — и этот полумрак был не случайным, а удобным, потому что в нём проще не замечать лишнего, проще держаться за одну точку: за экран ноутбука,

который уже не давал ни информации, ни смысла, но продолжал светить — холодно, ровно, как будто сам не понимал, что всё вокруг давно вышло из режима, в котором он был полезен.

Этот свет выхватывал её руку — перебинтованную аккуратно, почти правильно, с тем самым вниманием к деталям, которое раньше считалось заботой, а теперь выглядело как ошибка. Потому что забота предполагает будущее, а будущего в этой комнате уже не было — просто он ещё не согласился с этим.

Он смотрел на эту руку слишком долго — настолько, что в какой-то момент перестал моргать. И это было не потому, что он хотел запомнить, а потому что не мог перестать проверять: вдруг это всё-таки не так, вдруг есть объяснение, которое вернёт ситуацию в рамки привычного.

Мысль заикнулась, начала крутиться, не двигаясь вперёд, только усиливаясь от повторения: «Это не может быть правдой, это не может быть правдой, это не может быть правдой». И именно поэтому она становилась всё более ощутимой — потому что реальность уже произошла, просто он отставал от неё.

Она пришла вечером чуть позже обычного, и тогда это не выглядело значимым: в тот момент он ещё верил в нормальность, в задержки, в объяснения. Но сейчас, оглядываясь назад, он видел это иначе — не в словах, а в паузах между ними, в том, как она выбирала, что сказать, и как избегала того, что не укладывалось.

— Меня укусили, — сказала она спокойно, слишком спокойно — так, как говорят, когда уже прошли через страх и не нашли в нём выхода.

Он усмехнулся тогда автоматически — потому что мозг защищается от того, что не может обработать: он переводит это в шутку, в привычный формат, чтобы не ломать систему.

— Кто, собака?

Она покачала головой медленно — и это движение уже не было обычным. В нём была тяжесть, как будто каждое действие требовало усилия. — Человек... наверное... но он... пустой...

И в этом слове что-то не сходилось: оно не принадлежало их реальности, не имело контекста. Но он не стал уточнять — потому что уточнение ведёт к признанию, а признание — к изменению.

Он пошёл за аптечкой: рана — это понятно, рану можно обработать, закрыть, привести в порядок. Это задача с известным алгоритмом. И пока он выполнял этот алгоритм, всё оставалось под контролем.

Он делал это аккуратно, сосредоточенно, почти механически — потому что механика позволяет не думать. А не думать в тот момент было важнее, чем понимать. И какое-то время всё действительно выглядело нормально — или, по крайней мере, не окончательно сломанным.

Потом прошло время — сколько, он не смог бы сказать. Оно стало вязким, растянулось, потеряло структуру. Он сидел, листал новости, пытался собрать картину, но вместо неё получался набор противоречий, которые не складывались в систему.

Она ушла тихо, и сначала он не заметил — потому что тишина стала нормой. Но потом прошло несколько минут, и внутри возникло ощущение: не мысль, не страх, а маленький сбой, как если бы в системе что-то перестало отвечать.

Он поднял голову:

— Лен? — сказал он лениво, как будто это всё ещё обычный вечер.

Ответа не было.

Он встал, пошёл в коридор — и звук, который он услышал, не сразу оформился. Сначала как что-то влажное, неровное, с неправильной ритмикой. И только потом стало понятно, что это движение.

— Лен?

И тогда раздался крик — короткий, резкий, слишком чистый. И в этом крике было всё.

Он сорвался с места, не думая, — потому что тело быстрее принимает решение, чем разум. Дверь в детскую была приоткрыта, и когда он толкнул её, произошло то, что потом уже невозможно вернуть назад.

Она стояла на коленях, сгорбившись, двигаясь так, как не двигаются люди. И сначала мозг не смог собрать картинку — потому что она не совпадала ни с одним знакомым шаблоном.

— Не понял? — сказал он. В этих словах было не возмущение, а попытка вернуть контроль через формулировку.

Она повернула голову медленно — и он увидел глаза: белёсые, пустые, без присутствия. И в этот момент внутри что-то выключилось, потому что объяснение больше не требовалось.

— Лен...

Она рванулась — мгновенно, без подготовки. И дальше всё пошло по другой логике: не человеческой, не осмысленной, а функциональной.

Как он оказался на кухне, он не понял. Как нож оказался в руке — тоже. Просто в какой-то момент он уже действовал, и это действие было направлено не на человека, а на прекращение процесса — резко, до конца, без пауз. Потому что пауза = риск.

Потом тишина. Он сидел и смотрел — и в этом взгляде не было уже ни шока, ни осознания, только фиксация факта.

— Я... сам... — мысль не складывалась, не принималась.

И тогда включилась другая — проще:

— Это из-за укуса.

— Она сказала.

— Я не поверил.

Эта конструкция держала — пока не появился следующий звук. Он повернул голову и увидел их в дверях: дочери. И в этот момент он уже знал — не потому что понял, а потому что увидел глаза. Та же пустота.

— Нет...

Но слово уже ничего не меняло. Они двинулись — и снова всё произошло быстро, слишком быстро. И в то же время достаточно медленно, чтобы тело запомнило каждое движение.

Когда всё закончилось, он сидел в той же позе, но уже в другой реальности: три тела. И внутри — отсутствие реакции: не облегчение, не боль, а выключение.

И именно в этом состоянии пришла самая опасная мысль — не эмоциональная, а функциональная: «Надо убрать». Потому что порядок — это единственное, что ещё держит форму.

Он встал медленно, как будто выполнял инструкцию, которую кто-то вложил заранее. Нашёл канистру — потому что он всегда знал, где она: потому что «на всякий случай» раньше означало одно, а теперь — совсем другое. Запах бензина ударил резко, и в этом была странная ясность: потому что это был понятный процесс, с понятным результатом.

Он вылил — ровно, аккуратно, как будто завершал, а не уничтожал. — Простите... — слово прозвучало, но адресата уже не было.

Спичка вспыхнула. Огонь схватил сразу — потому что всё уже было готово. Он отступил и смотрел: в этом взгляде не было ужаса, только наблюдение, как процесс доводится до конца.

Где-то начали кричать — сначала сверху, потом с лестницы. Кто-то бежал, кто-то звал, но всё это не доходило, потому что внутри стало тихо — по-настоящему, без остатка.

Он вышел на площадку, остановился, посмотрел, как огонь идёт за ним, как поднимается, как забирает этаж за этажом. И в этом не было уже смысла — только завершение.

Мимо пронеслась девушка — живая, дышащая.

— Диана... — мысль мелькнула и исчезла.

Он улыбнулся — спокойно, чисто, неправильно. Потому что всё стало простым: больше не нужно было понимать. Он стоял и позволял всему закончиться — потому что внутри уже ничего не осталось. И именно поэтому больше не было боли.

Глава 9: Склад

9 лет после — 26 мая

Склад не встретил их тишиной, как это обычно бывает в мёртвых местах. Он встретил их остатком системы, которая когда-то работала чётко, без сбоев, без лишнего шума. Теперь эта система продолжала существовать, но уже без человека, перерабатывая сама себя. Запах здесь был не просто гнилью — он был сложнее. В нём чувствовались слои: старое машинное масло, впитавшееся в бетон ещё в те времена, когда здесь

шла разгрузка по графику; кровь, которая уже давно потеряла цвет, но не структуру; и что-то сладковатое, химическое — как будто внутри происходил процесс, для которого раньше были инструкции, а теперь осталась только реакция.

Стены ещё держали остатки маркировки: номера секций, стрелки, выцветшие обозначения зон хранения. В этом было что-то почти издевательское: раньше всё здесь было рассчитано вплоть до того, сколько времени груз находится на складе. Теперь время перестало существовать как параметр, и склад просто стоял, заполненный тем, что не успели вывезти, не успели списать, не успели закрыть.

Валёк остановился у входа, чуть наклонив голову. Это движение было не жестом, а привычкой считывать пространство: в таких местах опасность сначала ощущается телом — через давление, через воздух, через несоответствие — и только потом становится видимой. Чем дольше он стоял, тем отчётливее понимал: здесь не просто тихо, здесь правильно тихо, как будто всё уже выстроено под чьё-то присутствие.

— Не нравится мне это, — тихо сказал Динамо, сжимая монтировку. Звук металла в его руках был слишком живым на фоне остального. — Мне вообще мало что нравится, — спокойно ответил Валёк, не отводя взгляда. — Но жить хочется, а значит, идём.

Света щёлкнула затвором почти беззвучно. Этот звук был не подготовкой, а проверкой: в таких местах оружие должно быть не просто заряжено — оно должно быть продолжением решения.

— Внутри были, — сказала она, глядя на пол.

Следы действительно были — не хаотичные, не панические, а направленные, с повторением, как маршрут, который использовали не один раз. — Были, — кивнул Валёк. — Вопрос, кто остался.

Он толкнул ворота. Металл ответил протяжным скрипом, который разошёлся по складу слишком ровно, без преград. И в этот момент стало понятно: звук дошёл туда, куда не должен был.

Они вошли. Свет снаружи не помогал — он только обозначал контуры, полосами ложился на пыль, которая висела в воздухе слишком неподвижно, как будто её давно никто не тревожил. Стеллажи тянулись рядами, контейнеры стояли на своих местах. Часть упала, но не от времени, а от удара. Среди всего этого лежали тела — много, слишком много. И они не выглядели случайными.

Форма была одинаковая — тёмная, собранная, с тем самым кроем, который не даёт лишних складок, не цепляется за углы. Даже изодранная, она сохраняла структуру. На левом плече — эмблема: щит, НІТМ.

Валёк тихо выдохнул:

— Ну вот и объяснение.

— Это кто? — спросил один из новеньких.

— Те, кого отправляют туда, где обычные уже не считаются, — спокойно ответил он.

В этот момент одно из тел дёрнулось — не резко, не как раньше, а так, будто внутри сработал остаток команды. Потом второе, потом сразу несколько. Стало ясно: склад не мёртвый. Он просто не закончил процесс.

Первый поднялся рывком. В этом рывке не было хаоса — движение было собрано, как у человека, который помнит, как двигаться, но не помнит зачем. — Контакт, — коротко сказал Валёк.

Дальше всё пошло быстро. Выстрел разорвал пространство, дробь вошла в голову, и череп разошёлся не как в кино, а как конструкция, потерявшая целостность. Тело сделало шаг вперёд — инерция ещё работала — и только потом рухнуло. Но остальные уже выходили: не толпой, не бегом — они шли синхронно, с задержкой между движениями, как будто внутри ещё работал ритм. — Они держат строй... — выдохнул Динамо.

— Значит, ломаем, — спокойно ответил Валёк.

Первый налёт был тяжёлым. Один сорвался вперёд быстрее остальных, врезался в крайнего бойца, сбивая его. В этом движении не было злобы — только функция: сократить дистанцию. Хруст прозвучал отчётливо, кровь пошла сразу, горячая, и это изменило всё: запах стал сильнее.

— Назад, дистанцию держи, — резко сказал Валёк.

Они начали отходить, но пространство уже сузилось: стеллажи не давали манёвра, бетон под ногами стал скользким, и каждый шаг нужно было контролировать. Один прыгнул на Динамо. Тот выставил монтировку — удар пришёлся в шею, но Пустой не остановился: просто перенёс вес вперёд, навалился, и они рухнули. — Слезь с меня...

Валёк шагнул, выстрелил вниз — и после этого движение прекратилось. — Позицию держи, — бросил он.

Сзади раздался крик — короткий. Один из новеньких уже лежал, двое вгрызались в него, не торопясь, как будто разбирали. Света выстрелила дважды — точно, без лишнего.

— Минус.

— Потом посчитаем.

Бой длился недолго, но в таких местах время не линейное: оно растягивается в моменты, где решение занимает долю секунды, а последствия — всё остальное. Пустые падали, но не сразу. Некоторые продолжали двигаться, даже теряя опору, — как будто сигнал о прекращении приходил с задержкой.

Последний стоял у стены — без руки, с разрушенной половиной лица, но продолжал идти. В этом было что-то особенно неприятное: не агрессия, а упорство. Валёк подошёл, посмотрел.

— Упрямый... — и выстрелил.

После этого стало тихо. Но эта тишина уже была другой — не ожиданием, а фиксацией.

— Всё? — выдохнул Динамо.

— Если нет — сейчас скажут, — спокойно ответил Валёк.

Ответа не было. Только звук капель.

Они двинулись дальше, проверяя, не спеша: после боя спешка убивает чаще, чем сам бой. В конце нашли комнату. Дверь была закрыта изнутри. Валёк постучал: — Если живые — не дёргайтесь.

Пауза.

— Мы не едим.

Сначала тишина, потом движение, щелчок. Дверь приоткрылась. Внутри стояла девушка — худая, грязная, но взгляд собранный, слишком для её состояния. — Одна?

Кивок.

— Имя?

Пауза.

— Диана.

Валёк замер на долю секунды — но только внутри. Снаружи — нет. — Значит так, Диана, — голос ровный. — Мир закончился давно. Пауза.

— Ты просто ещё здесь.

Она не ответила — и это было правильно.

— С нами идёшь, — не вопрос, а решение.

Она посмотрела на тела, на кровь, на выход — и кивнула. — Всё, — сказал Динамо. — Минус склад, плюс человек. — Закройся, — тихо сказала Света.

Валёк уже смотрел на выход: задерживаться — значит давать месту время. А места здесь уже начали работать сами.

— Уходим.

И они вышли, оставив за собой склад, в котором старая система окончательно перешла в новую. И в этой новой человеку места было меньше.

Глава 9.1: Склад 2

9 лет после — 26 мая, 5 минут спустя

Они не ушли сразу — и это было не ошибкой, а необходимостью. После боя пространство не становится безопасным: оно становится неопределённым, а неопределённость убивает чаще, чем прямой контакт. Валёк остановился уже за воротами, не выходя полностью на улицу, и дал группе несколько секунд — не для отдыха, а для того, чтобы каждый вернулся в себя: собрал дыхание, проверил, где он, сколько у него осталось сил и способен ли он продолжать.

Кровь на руках быстро остывала — и это всегда был неприятный момент. Именно тогда приходило понимание, что это уже не действие, а результат, и с результатом нужно жить дальше, а не просто закончить его.

— Все целы? — спокойно спросил он, не повышая голоса: после шума любое усиление звучало как тревога.

— Минус один, — коротко сказала Света, не глядя ни на кого.

Пауза.

— Один зацеплен, но держится.

Динамо кивнул, вытирая лицо рукавом — не потому, что хотел очиститься, а потому, что кровь мешала видеть, а видеть сейчас было важнее всего остального. — Жить будет, — бросил он.

Валёк посмотрел на него чуть дольше, чем нужно.

— Потом проверим.

Не «будет» — «проверим». Потому что в этом мире прогнозы не работали.

Он перевёл взгляд на склад. Ворота всё ещё были приоткрыты, и оттуда тянуло тем самым запахом — но теперь он изменился, стал тяжелее, плотнее, как будто процесс внутри ускорился после их вмешательства.

— Слышишь? — тихо сказал он.

Никто не ответил сразу. Потому что сначала нужно было услышать. И только потом признать.

Где-то глубже, за рядами, в бетонных коридорах, где раньше ездили погрузчики и ходили люди по сменам, появился звук. Не шаги, не падение — что-то другое. Как если бы по полу тянули что-то тяжёлое, но с паузами, неравномерно.

Динамо напрягся:

— Там же всех...

— Мы всех, кого видели, — спокойно ответил Валёк.

И в этом «видели» было всё. Он сделал шаг назад.

— Внутри не возвращаемся.

Решение прозвучало быстро, без обсуждения.

— Там не закончено.

Света кивнула:

— Значит, или больше, или глубже.

— Или не только они, — добавил он.

Пауза — и это уже было хуже.

Валёк посмотрел на Диану. Она стояла чуть в стороне: не ближе к группе, но и не отдельно. И это положение было правильным. Человек, который только что вышел из такого места, не должен сразу становиться частью системы — он сначала наблюдает. И по тому, как он наблюдает, можно понять, сколько он проживёт. — Как держишься? — спросил он. Голос ровный, без жалости. — Нормально, — ответила она. Слишком быстро, слишком ровно.

Он усмехнулся едва заметно:

— Значит, плохо.

Пауза, но он не стал давить. Потому что давление ломает быстрее, чем помогает.

Он повернулся к группе:

— Склад закрываем.

— В смысле? — нахмурился Динамо.

— В прямом. — Валёк кивнул на ворота. — Это точка. — Пауза. — И она уже не наша.

Света поняла первой:

— Сжечь?

Он покачал головой:

— Нет. — Пауза. — Оставить.

И это было хуже — потому что оставить означало признать, что ты не контролируешь. — Пусть живёт своей жизнью, — добавил он тихо. — Нам туда не надо.

Он посмотрел ещё раз внутрь — и в этом взгляде не было страха, только расчёт. Если система уже начала работать без тебя, лучше не лезть, пока не понимаешь правила. А правила здесь явно изменились.

Где-то внутри снова раздался звук — теперь ближе, короткий, как если бы что-то ударилось о металл. Диана вздрогнула едва заметно — и это он отметил. Реакция есть — значит, не сломалась. Пока.

— Уходим, — сказал он. И в этот раз — без пауз.

Они начали двигаться по двору — не быстро, но без остановок. После таких мест главное — увеличить дистанцию, дать себе пространство, в котором можно снова начать думать.

Склад остался за спиной — но ощущение от него не ушло. Оно прилипло, как запах, как факт, как предупреждение. И Валёк уже понимал, что это не последняя такая точка — просто первая, в которой они не успели. И это означало одно: где-то есть система, которая работает быстрее, чем они успевают реагировать.

Он посмотрел вперёд — на город, который уже давно перестал быть просто местом и стал средой, в которой кто-то начал строить новое. Если раньше он сравнивал свою команду с прошлым — с братвой, с улицами, с понятиями, — то сейчас стало ясно: это другой уровень. И правила придётся переписывать, потому что старые здесь больше не работали.

Вокруг лежали остатки старого мира: ржавые контейнеры с выцветшими маркировками, остатки логистических схем на стенах, следы погрузчиков, застывшие в бетонном полу. Когда-то здесь всё было подчинено чёткому ритму — поставки, отгрузки, учёт. Теперь же система, лишившись людей, продолжала работать по инерции, перемалывая саму себя.

Валёк чувствовал это всем телом — как меняется давление воздуха, как искажается звук, как само пространство начинает жить по своим законам. Он знал: такие места — не просто заброшенные здания. Это узлы, где старая реальность дала трещину, а новая ещё не оформилась до конца. И чем дальше, тем таких узлов будет больше.

Он сжал рукоять оружия чуть крепче — не от страха, а чтобы ощутить связь с настоящим. Впереди ждали новые испытания, новые точки перехода. Но сейчас главное было одно: сохранить команду, сохранить рассудок и понять, по каким правилам теперь живёт этот мир.

Глава 10: Контракт без слов

9 лет после — 26 мая, через 15 минут

Денис двигался не быстро и не медленно — так, как двигаются люди, которые давно поняли: скорость — не преимущество, а ошибка, если не понимаешь, куда именно её применять. Шаг был выверенным, дыхание — коротким, экономным, взгляд скользил по окружению, не цепляясь ни за одну точку дольше, чем нужно. Фиксироваться в этом мире означало терять контроль над остальным.

Парковка у склада тянулась серыми рядами. Машины стояли, как оставленные решения, каждая со своей историей, которую уже никто не восстановит. У некоторых двери были открыты, у других — вывернуты; стекло разбито не снаружи, а изнутри. Это говорило больше, чем любые следы крови.

Дробовик бил по бедру, напоминая о весе. В этом весе было не только железо — но и всё, что за ним стоит. Оружие здесь давно перестало быть просто инструментом: оно стало частью выбора — живёшь или нет.

Он слышал город — не как звук, а как фон. Где-то тянуло движение: не хаотичное, а направленное. И это было хуже. Хаос можно пережить, а направленность означает, что кто-то или что-то уже приняло решение. — Слишком шумно вышло... — сказал он тихо, больше для себя, чем для мира. Мир не отвечал.

Выстрел в магазине был правильным, но цена за правильные решения здесь всегда приходила сразу, без отсрочек — и теперь она догоняла.

Он вышел за угол склада и резко остановился, прижавшись к бетонной стене. Она ещё держала холод, накопленный за годы, — и в этом холоде было что-то от прошлого, от тех времён, когда бетон означал надёжность, а не просто материал.

Денис заставил себя выровнять дыхание — не глубоко, не резко, а ровно. Проверил карман: фотография была на месте. Тепло от тела передалось бумаге, и это тепло казалось чем-то чужим в мире, где всё остальное уже давно остыло. — Ну хоть это...

И в этот момент — звук. Щёлчок: короткий, чёткий, без вариантов. Он поднял глаза. Из тени вышли люди — не сразу, по одному. Сначала силуэт, потом второй, потом ещё. Шесть. Собранные, и главное — не спешащие.

А впереди стоял тот, кто не делал лишних движений. И это сразу расставила роли. — Вечер добрый, — сказал он спокойно.

— Это ты так считаешь, — ответил Денис, не меняя позиции.

Тот чуть наклонил голову, будто примерял его к ситуации. — Ты шумный.

— Иногда полезно.

— Для кого?

— Для тех, кто выживает.

Пауза легла быстро, но не тяжело — рабочая, как между людьми, которые поняли: разговор — это не слова, а обмен решениями.

— Магазин твой? — спросил тот.

— Был.

— Значит, за тобой идут.

— Уже близко.

Он не стал уточнять — это и так было понятно. Тот чуть приподнял обрез: не угрожая, фиксируя.

— Тогда всё просто. — Пауза. — Оружие на землю.

Денис не двинулся. Он смотрел: на лицо, на стойку, на пальцы — и понимал: этот не блефует. Но и не торопится.

— Ты главный? — спросил он.

— Быстро соображаешь.

— Приходится.

— Тогда не усложняй.

Тишина натянулась — но не успела закрепиться. Сзади пришёл звук: ближе, гуще, без пауз. Теперь уже не фон, а движение.

— Динамо? — спросил тот, не оборачиваясь.

— Двадцать минимум.

— Отлично...

Кто-то тихо выругался, но это уже ничего не меняло. Он снова посмотрел на Дениса — и решение в его глазах сменилось быстро.

— У тебя два варианта.

— Люблю, когда их два.

— Первый — кладёшь оружие, и мы решаем, что с тобой делать.

— Плохой вариант.

— Второй — помогаешь.

Пауза.

— И потом вы решаете, что со мной делать.

— Возможно.

— Честно.

— Я не вру без причины.

Между машинами уже двигались: сначала тени, потом формы, потом тела. И в этих телах было что-то не то — не скорость, не агрессия, а согласованность. — Есть третий, — сказал Денис.

Тот чуть прищурился.

— Говори.

Денис передёрнул затвор — металл щёлкнул чисто. — Сначала не умираем. — Пауза. — Потом разбираемся.

Тот смотрел секунду — и усмехнулся по-настоящему. — Нормальный подход. — Поднял обрез. — Валёк!

Первый Пустой вышел на свет. В его движении было что-то странное: он не тянулся вперёд, а сокращал дистанцию, будто знал, как это делается. Выстрел разорвал воздух — и дальше пауз не было. Они пошли: не толпой, с интервалами, но ритм был один.

— Держим линию, — спокойно сказал Валёк. И это сработало.

Света работала точно, без лишнего: каждый выстрел заканчивал движение. Динамо бил жёстко — не отталкивая, а ломая, чтобы убрать опору. Денис стрелял медленно, выбирая каждый раз: голова — минус, голова — минус.

Один подошёл слишком близко. Движение у него было с задержкой в корпусе, но резкое в руках — и это сбивало. Денис сместился, ударил прикладом, выстрелил почти в упор. Звук был другим — тяжёлым, как будто бетон рядом принял часть удара.

Они держались — не за счёт силы, а за счёт структуры. Каждый знал своё место и не выходил из него. Бой тянулся, патроны уходили, руки тяжелели — но линия не ломалась. Ломаться здесь означало закончить.

Последний стоял у машины: корпус повреждён, одна нога тянется, но движение есть — и это главное. Валёк подошёл, посмотрел, как на задачу, и выстрелил.

После этого стало тихо — не сразу. Сначала остаточное движение, потом тишина, настоящая. Он опустил оружие, посмотрел на Дениса: — Ну что. — Пауза. — Первый вариант отпал.

Денис выдохнул — плечи чуть опустились.

— Хорошо, что не выбрал.

Валёк кивнул:

— Теперь ты с нами. — Не вопрос, факт.

— Пока.

И в этом «пока» было всё.

Денис усмехнулся:

— Честно.

— Я же говорил.

Они начали двигаться сразу, без обсуждения. После таких моментов нельзя стоять, нельзя думать — нужно уходить. Пока система не перестроилась, пока место не изменилось, пока они ещё контролируют ситуацию.

И где-то между шагами, между дыханием, между остатками адреналина произошло — не громко, не заметно, но окончательно. Денис перестал быть одиночкой. Не потому что захотел, а потому что уже вошёл в чужую систему, которая, возможно, станет его — или его убьёт.

Вокруг проступали детали старого мира: ржавые знаки парковки, разметка, выцветшая под дождями, остатки схем движения транспорта, выбитые в асфальте. Когда-то здесь всё было подчинено ритму — маршруты, графики, правила. Теперь же пространство жило по своим законам, перемалывая остатки порядка.

Денис ощущал это кожей: как меняется давление воздуха, как искажается звук, как само место начинает диктовать условия. Он понимал: такие зоны — не просто заброшенные участки. Это узлы перехода, где старая реальность дала трещину, а новая ещё не оформилась. И чем дальше, тем таких узлов будет больше.

Он сжал рукоять дробовика чуть крепче — не от страха, а чтобы ощутить связь с настоящим. Впереди ждали новые вызовы, новые точки выбора. Но сейчас главное было одно: сохранить команду, сохранить рассудок и понять, по каким правилам теперь живёт этот мир.

Глава 11

Неделя, за которую мир перестал врать - Неделя хаоса

Мир не рухнул сразу и не взорвался, он перестал поддерживать сам себя, как система, из которой убрали обслуживание, и именно это оказалось самым тяжёлым для понимания, потому что внешне всё ещё продолжало работать: светофоры переключались по таймеру, насосные станции гнали воду по трубам, электрические подстанции держали нагрузку, пока не перегорит последняя защита, и город выглядел как механизм, который забыли выключить, но перестали контролировать.

И в этом состоянии человек дольше всего держится за иллюзию, потому что если свет есть — значит, всё ещё можно вернуться, если вода идёт — значит, система жива, если радио говорит — значит, кто-то управляет, и именно эта цепочка ломалась последней, не потому что была прочной, а потому что за ней стояла привычка.

К седьмому дню привычка перестала работать.

Люди перестали звонить, потому что никто не брал трубку, перестали ждать, потому что никто не приезжал, перестали спорить, потому что стало ясно — спорить не с кем.

Город начал меняться не быстро, а неравномерно: в одних районах ещё двигались машины не потому, что кто-то ехал, а потому что их оставили заведёнными, и двигатель работал, пока не заклинит, в других уже стояла тишина, но не пустая, а заполненная остаточными звуками — где-то хлопала дверь от сквозняка, где-то капала вода, где-то трескалась проводка, и эти звуки создавали ощущение, что город ещё живёт, хотя на самом деле он просто не остановился.

Двери подъездов оставались открытыми, потому что люди выходили и не возвращались, ключи оставались в замках, потому что никто не закрывал за собой, окна разбивались не из злости, а из необходимости, потому что стекло — это уже не защита, а преграда.

Магазины опустели не полностью, а выборочно: продукты, которые требуют времени или условий хранения, оставались, потому что их не успевали использовать, а всё, что можно взять и сразу применить, исчезало первым, и это было честно, потому что в таких условиях ценность определяется не ценой, а скоростью.

Техника начинала умирать по-своему: аккумуляторы садились, сигнал пропадал, серверы уходили в перегрузку, потому что никто не распределял нагрузку, и в какой-то момент связь превращалась в шум, где отдельные сигналы терялись, как слова в толпе.

Государство ещё пыталось говорить, и голос в динамиках был ровный, уверенный, отработанный, но за этим голосом уже не стояло структуры, только инерция, и люди это чувствовали быстрее, чем осознавали, потому что доверие — это не логика, а ощущение.

Армия держалась дольше, потому что у неё была структура, но структура без центра начинает дробиться: сначала на участки, потом на группы, потом на отдельных людей, и в какой-то момент солдат перестаёт быть частью системы и становится просто человеком с оружием.

И тогда всё меняется.

Криминал не появился, он просто перестал скрываться, потому что исчезла необходимость в маске, и те, кто раньше работал в тени, быстрее остальных поняли, что правила закончились, а значит, можно строить новые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.